

Write_right

Звериный патриотизм: дневник Йозефа Гёббельса

книга-игра

Версия текста: 2

Книги-игры и интерактивные рассказы

<https://quest-book.ru>

1

Ваш дед штурмовал Берлин. Говорят, взял в Рейхстаге трофеи. Правда, их никто не видел: старик живёт в скудной квартирке и богат только книгами. Дедуля часами сидит в кресле-качалке, читая опусы под ламповым светом.

Сегодня вы навестили его, но не застали дома. Чтобы скрасить ожидание, подошли к шкафу. Лениво скользите взглядом по давно прочитанным томам.

А вдруг наверху что-нибудь новенькое? Порывшись, вы нашли чёрную книжку без надписи. На кожаной обложке — лишь две серебристые молнии в форме букв «S». Заинтригованный, садитесь в кресло и открываете рукописную книгу.

— Хоть раз знание немецкого пригодится... — пробормотали вы и углубились в чтение.

○ **Читать странную книгу** — (56)

2

---

18 февраля 1943 года. 9:00

Что делает моё министерство? Контролирует мысли людей, влияет на их страхи, мечты и желания. Создаёт совершенную нацию. По крайней мере, так считает Гитлер. Наивный идиот, рисовал бы и дальше свои картинки. На деле мы превращаем народ в стадо послушных свиней. (Надеюсь, что умру раньше, чем фюрер увидит этот дневник).

Министерство находится в прекрасном здании на Вильгельм-Штрассе. Бывший дворец, этот дом теперь — центр радио, печати, кино и театра. Наша ложь льётся со всех сторон, в неё верят миллионы людей. А если никто не знает о том, что это ложь, то почему бы ей не быть истиной? Можно сказать, что я министр правды.

Но думать о своей власти удаётся нечасто, особенно сегодня. Грядёт важнейшая в моей жизни речь. Выступление, приуроченное к битве под Сталинградом. Я обращусь ко всем патриотам Германии, ко всему миру. Надо сделать так, чтобы каждый немец был готов умереть за свою страну.

Если постараюсь, то смогу воодушевить народ: проигрывающая армия получит второе дыхание и будет стоять насмерть. Боевой дух и победа — это хорошо, но делать из молодых парней бездумных самоубийц... Так, хватит. Не думать об этом. Я люблю свою работу.

○ **В кабинет** — (48)

3

— Кэмпбелл, за руль. Мне нужно отдохнуть перед выступлением.

Пока ехали к дворцу, я задумчиво смотрел на помощника. Снова не в силах сдержать любопытство, задал вопрос:

— И всё-таки, кто ты такой?

Говард усмехнулся и ответил, пытаясь не отвлекаться от дороги:

— Герр рейхсминистр, мы уже несколько лет работаем плечом к плечу. Разве вы не знаете?

— Любишь свою жену и драматургию, добился успехов в запудривании мозгов. Придумал несколько способов улучшить боевой дух армии, вроде мишени-карикатуры еврея для стрельбищ. А теперь расскажи то, чего я не знаю.

— Я американский агент. Передаю данные, добытые другими разведчиками, с помощью радио. Да, тех самых передач, в которых прославляю Рейх и призываю убивать евреев. Сообщения закодированы в изменениях речи — паузах, кашле, запинках и так далее.

Я присвистнул. Не ожидал от янки такой изобретательности. Кэмпбелл помрачнел лицом и продолжил:

— Если уж попробовать ответить на вопрос кто я... Немец по происхождению, американец по паспорту и мне глубоко плевать, кто я в душе. Конечно, нацист это лишь личина, но неизвестно, кому я помог больше — американцам разведданными или немцам пропагандой. Спустя какое-то время маска срывается с кожей.

Мой помощник замолчал, не желая больше об этом говорить. Чтобы развеять тоску, я спросил о другом:

— К этому танкисту, Кариусу, ты меня специально потащил, чтобы он был с нами? Зачем он? Куда его увёл Штирлиц?

— Увидите, герр рейхсминистр. Грех портить такой сюрприз. Главное, дождитесь его выхода на сцену. — ответил Говард и улыбнулся в усы. — Приехали, вас проводить?

— Спасибо, Говард, дальше сам справлюсь.

— Возьмите детонатор. Достаточно дёрнуть рычажок и Дворец спорта провалится в ад. Сегодняшним гостям там самое место, — сказал вместо прощания Кэмпбелл и протянул мне чёрную коробочку с рычагом и предохранительным кольцом. Она легко уместилась в карман.

Около входа во Дворец спорта стоял Гитлер в окружении телохранителей, министров и генералов. Мелькнула мысль — можно предупредить вождя о готовящемся покушении.

Он мне не нравится, как человек, и если рейхсканцлер умрёт, кошмары мучить не будут, но... Предупредив его, я не стану изменником. Останусь истинным патриотом и достойным сыном Германии. Буду верен вождю, за которым последовал.

Но как мне остаться верным самому себе?

Предупредить Гитлера о покушении — (7)

— **Хорошего дня, мой фюрер!** — (26)

4

Вы каждый день слушаете свой голос, доносящийся из радиоприёмников и громкоговорителей. А согласны ли вы с тем, о чём говорите? Разве кучка людей, живущих на одной земле, достойна большего, чем кучки на других землях? Разве мы побеждаем в войне?

Неужели вас не беспокоит происходящее? Неужто вы согласны с сожжением тысяч людей в концлагерях?

Я знаю, что в глубине души вы не злодей. Ваш антисемитизм и взгляды носят политически-прагматический характер, а не идеологически-фанатический, как у Гитлера. До получения партийного билета в вас не наблюдалось ни капли национализма. Хотите сказать, что вы — искренний патриот Рейха и фанат Гитлера? Не смешите.

Мне нужна ваша помощь, Йозеф. Если внутри вас остался тот молодой журналист, который хотел работать в еврейском издательстве... Если внутри вас остался человек, способный относиться к людям объективно — приходите к полудню в гости.

Адрес: Унтер-Ден-Линден 9.

С наилучшими пожеланиями, Макс Отто фон Штирлиц.

- Ехать по указанному адресу — (10)
- Штирлицем точно заинтересуются в гестапо... — (20)

5

Вы оторвались от дневника и осмотрелись вокруг. С политической карты мира, висящей у вас на стене, почему-то исчезли границы государств.

Выглянув в окно, вы не увидели надписей Обама чмо! или москаляку на гіляку! на стенах. Но впечатление немного испортил гей-парад, как раз проходивший под окном.

По запросам дискриминация и война поисковая система не смогла найти данных, младше 70 лет. Открыв первую попавшуюся статью, вы прочли:

Оппозиция: может, зря мы перестали группироваться? Открывшись сразу всему миру, мы не открылись никому по-настоящему. А отказавшись от привязанности к своей земле, люди лишились дома.

Мировое правительство: Да, пока что нам сложно считать домом и родиной весь мир, но мы постараемся. Мы упорно идём к идее гражданина Земли.

6

— Я... Я понял, герр рейхсминистр, — беспомощно пролепетал офицер, который был на две головы выше меня.

Я ещё немного развлекался, наблюдая за его беспомощностью, после чего прошипел:

— Свободен.

Офицер совсем поник. Каждый из присутствующих принял этот приказ на свой счёт. Все, включая иностранных шпионов, начали собираться, стараясь не попадаться мне на глаза. Вот, что значит натренированный голос, мимика и знание психологии.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — бросил я вдогонку. — Кэмпбелл и Кариус тоже.

Два разведчика и танкист подождали, пока остальные уйдут и подошли к столу.

— Скажите-ка, — обратился я к офицеру SS. — Почему вы обратились ко мне только сегодня? Судя по всему, Кэмпбелл давно имел виды на вербовку.

— Сегодня, узнав о нас в последний момент, вы уже не сможете помешать минированию Дворца спорта, — ответил Макс.

— Хорошо, ещё вопрос: почему именно я? И почему именно так? Ведь есть менее рискованные способы ускорить крах Рейха.

Советский шпион горько усмехнулся:

— Вы, вместе со своими прихвостнями из министерства пропаганды, постоянно твердите о вундерваффе. Мол, немецкие инженеры скоро изобретут супероружие, которое сразу повергнет врагов. Но лучшее оружие уже давно создано и вы владеете ним лучше всех. Это Слово, Йозеф.

Он думал, что поразит меня этой речью, но ничего нового не сообщил. Иначе я не был бы рейхсминистром Слова. Разведчик зачем-то позвал с собой танкиста и ушёл догонять свою радистку, оставив меня с Кэмпбеллом.

○ **Скоро речь, пора ехать — (3)**

7

— Мой фюрер, у меня чрезвычайно важная информация, — сказал я, волнуясь.

Гитлер оторвался от светской беседы.

— Что случилось?

— На вас готовится покушение. Макс Отто фон Штирлиц...

— Новый начальник моей охраны? — изумился диктатор.

— Информация достоверна. Ещё нужно задержать его напарницу и Отто Кариуса.

Гитлер сделался мрачней неба в грозу.

— Начальник охраны SS и прославленный танкист... Подумать только, измена под самым носом. Ганс, взять Штирлица и Кариуса! Удвоить мою охрану! Быстро!!! И... Спасибо, Йозеф.

— Всегда к вашим услугам, мой фюрер.

Я поспешил внутрь Дворца спорта, выбросив из головы ересь, которой меня пичкали вражеские шпионы.

○ **Произнести речь — (8)**

8

Я сделал верный выбор. Прочту подготовленный текст и всё пойдёт, как по маслу. Мы победим.

Я быстро подошёл к трибуне, прилепив к лицу маску уверенности и непоколебимости. Тысячи глаз сосредоточили взоры на меня, миллионы ушей напрягли слух. И все они привыкли верить мне с полуслова. Что бы я ни сказал.

Десятки видеокамер то снимают меня, то выхватывают самые красивые и счастливые лица из зала. Начал говорить тихо, чтобы люди прислушивались.— Я не знаю, сколько миллионов людей слушает меня по радио в этот вечер — в тылу и на фронте. Хочу обратиться ко всем вам из глубин моего сердца и затронуть глубины ваших сердец. Буду говорить со всей серьёзностью и открытостью, как того требует данная минута. Немецкий народ — пробуждённый, воспитанный и обученный национал-социализмом, в состоянии вынести всю правду. Он знает всю серьёзность положения, и поэтому его руководство может требовать от него необходимых жёстких и даже жесточайших мер. Мы, немцы, вооружены на случай слабости и нерешительности. Удары и несчастья войны только придадут нам дополнительные силы, твёрдую решимость, а также духовную и боевую волю для преодоления всех трудностей и преград с революционным натиском.

Героические жертвы наших солдат в Сталинграде имели глубокое историческое значение для всего восточного фронта. Они не были напрасными!

Но перейдём к главному.

○ **Дальше — (17)**

Дедушка зашёл в комнату. С момента последней встречи он постарел. Может, ноша знания о мистическом дневнике тяготит его, прибавляя морщины?

В рубашке и джинсах он не был похож на героя войны и философа.

«Чёрт побери, обложка ничего не значит. Если текст дрянной, то внешность его не спасёт. Но если он гениален, то в обложке нет нужды» — говорил старик, пряча медали в шкафу под старыми носками.

Присев, дедуля устало произнёс:

— Здравствуй.

— Привет, — ответили вы, и показали дневник. — Что это?

— Ох, это... Страшная вещь. Книга прошлого и будущего, — дедушка взял у вас дневник и пролистал его. — Видишь пустые страницы? То, что ты туда допишешь, сбудется в прошлом. В 1943-ем году.

— Откуда это у тебя? — ошалело спросили вы.

— Трофей из Берлина, нашёл в «бункере Гитлера». Там воняло порохом и смертью. Мёртвый Гёббельс держал в одной руке эту книгу... А в другой сжимал пистолет, из которого застрелился. Рядом лежала жена и шестеро их детей. Кто отравил малышей, Йозеф или его жена — до сих пор неясно.

Вы выпучили глаза, пытаясь переварить всю информацию. Это же невозможно! Немного успокоившись и предположив, что дед не сошёл с ума, спросили:

— Пробовал менять прошлое?

— Не решился на серьёзные перемены. Из-за них победа могла стать поражением. Я внёс маленькую поправку, не влияющую на войну — благодаря мне, Гёббельс отправил анонимное письмо одному писателю... Джорджу Оруэллу. Он написал то, что должно было положить конец таким режимам. Не помогло.

Дед разочарованно склонил голову и опустил в кресло.

— Слушай, раз уж нашёл... Я всё равно собирался завещать тебе книжку. Пиши свою историю. Меняй этот сраный мир, как тебе хочется... Идеальным его всё равно не сделать.

— Спасибо, дедушка, — ошарашенно пробормотали вы.

— Не за что, — махнул рукой дед. — Мне уже всё равно. А тебе ещё жить в этом мире... Уж постарайся сделать его получше. — сказал дедушка и зевнул. — Ладно, я устал.

Старик поудобнее устроился на диване и вскоре уснул. Вы втихаря вытянули у него пару сигарет и включили настольную лампу. Вооружившись карандашом, открыли чёрную книгу.

○ **Вершить историю** — (2)

Когда я дошёл до машины, мой помощник и один из лучших пропагандистов сидел на заднем сиденье. Он спросил:

— Герр Гёббельс, а можно с вами к Штирлицу?

— Откуда ты знаешь, что мне нужно к нему? — изумился я.

— Вот приедем и узнаете, — подмигнул Кэмпбелл.

Господи, с Говардом тоже что-то не так? Невозможно. Нельзя настолько рьяно пропагандировать расизм, не веря в то, что говоришь. Заинтригованный, я согласился.

Мерседес подъехал к двухэтажному особняку на главной улице Берлина. Украшенный барельефами и окружённый липами, дом был не хуже моего собственного. Я припарковал машину в переулке неподалёку, чтобы не привлекать внимания. Кэмпбелл постучал по дубовой двери, сложив азбукой Морзе фразу Гитлер капут. С ним точно что-то не так.

Когда Штирлиц открыл дверь, изнутри послышался ласкающий уши звук. Кто-то играл на пианино. Офицер был всё в той же чёрной униформе, подтянутый и благоухающий мужскими духами. Он держал в руке пистолет.

○ Шаг вперёд — (30)

...

Я продолжал ещё около ста минут. Пугал людей нависшей над Германией угрозой еврейского коммунизма. Описывал террор, голод и беспорядки, которые воцарятся сразу же, как только мы сдадим позиции.

Говорил о долге, обязывающем каждого немецкого солдата защищать своих братьев-соотечественников и родину-мать. Оставшихся в тылу призывал ставить национальный долг выше собственного комфорта. Указал, что на террор нужно отвечать террором и не щадить врага так же, как и себя.

И, наконец, подошёл к ключевой части речи:

— Хотелось бы как-нибудь подготовить вас к этой печальной вести, но к такому нельзя быть готовым. Плачьте, верные сыны и дочери Рейха — наш фюрер погиб!(В зале поднялся вой и плач. Складывалось впечатление, что каждый в зале скорбел по Гитлеру, как по родному отцу. Когда он улёгся, я предложил почтить его память минутой молчания. По истечению минуты продолжил)Но медлить нельзя, особенно, когда враг так силен. Уверен, Адольф Гитлер хотел бы, чтобы мы не опускали рук и, почтив его минутой молчания, тут же продолжили борьбу. Я предлагаю вам, мой народ, свою кандидатуру на пост рейхсканцлера и вождя немецкого народа. (Оживление в зале)Я задам вам десять вопросов, получив ответы на которые, буду знать, доверяет ли мне немецкий народ.

Я спрашиваю вас: верите ли вы, вместе со мной, в полную и окончательную победу немецкого народа?

— Я!

Я спрашиваю вас: намерены ли вы следовать за мной сквозь огонь и воду к победе и готовы ли вы взять на себя даже самое тяжёлое личное бремя?

— Я!

Я спрашиваю вас: намерены ли вы и весь немецкий народ трудиться по 10, 12 и, в случае необходимости, 14 часов в день и отдать всё для победы?

— Я!

Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальную войну? Если потребуется, хотите ли вы более радикальную войну, чем вообще можете представить?

— Я!

Я спрашиваю вас: доверяете ли вы мне, вашему фюреру, сильнее, крепче и непоколебимей, чем прежде? Готовы ли вы целиком и полностью следовать за мной, куда бы я ни пошёл, и делать всё, что только потребуется для доведения войны до победного конца?(Многотысячная толпа поднимается как один. Тысячи голосов сливаются в монолитный рев: Фюрер, приказывай - мы следуем за тобой! Дворец сотрясает волна возгласов Хайль! Словно по команде, поднимаются флаги и знамёна, как высшее выражение торжественного мига, когда толпа воздаёт честь фюреру.)Народ готов на всё. Вы последуете за мной! В этот час мы твёрдо и непоколебимо верим в победу. Мы видим её перед собой; нам нужно только протянуть к ней руку. Мы должны научиться подчинять ей всё. Таков долг данной минуты. И наш лозунг должен быть таким: Воспрянь, народ, и пусть грянет буря!

○ Уйти под оглушающий рев толпы и нескончаемые аплодисменты. — (13)

— Ну так рассказывай всё, — поторопил меня Гитлер.

— Да, мой фюрер, — смиренно ответил я. И так, вот правила, по которым работает моё министерство: Пропаганда всегда является лишь средством, а не целью.

Пропаганда может и должна, особенно во время войны, отказаться от гуманизма и эстетики, как бы высоко мы их не ценили, так как в борьбе народа речь идет ни о чём другом, как о его бытии.

Пропаганда является «воистину грозным» оружием в руках знатока.

Пропаганда должна вестись как можно более метко и тем самым успешно, так как — по Мольтке — в войну самым гуманным методом является тот, который быстрее всего достигает своей цели.

Пропаганда всегда обращена только к массам, а не к интеллигенции, поэтому её уровень должен ориентироваться на способности восприятия самых ограниченных среди тех, на кого она должна повлиять.

Пропаганда должна воздействовать больше на чувство, чем на разум, так как масса в сущности имеет женственный характер, поэтому чувства доходчивей размышлений.

Пропаганда должна не развлекать, а быть средством достижения политической цели. Поэтому развлечение является смертельным врагом её успеха.

Пропаганда должна ограничиться минимумом и повторять это постоянно. Настойчивость является важной предпосылкой её успеха.

Пропаганда не может быть объективной, она должна быть принципиально субъективно односторонней. Закончив рассказывать, я закашлялся. Гитлер спросил меня:

— Действительно, зная правила, проще понимать ваши методы. Один вопрос: лишь средство, а не цель... А что является целью? — спросил Гитлер, почесав затылок.

— Это вопрос к вам, а не ко мне, вождь, — был дан ответ. — У вас всё?

— Да, точно, — пробормотал Гитлер, стусевавшись. Он будто бы осознал, что сомневается в своих целях и мотивах. — Ладно, не буду больше задерживать. Иди и делай то, что должен.

Вождь нации позвал телохранителей и удалился, а я зашагал в министерство пропаганды, бурча под нос проклятья в сторону Гитлера. Этот усатый олень с манией величия оторвал меня от работы только для того, чтобы удовлетворить своё любопытство! Возвращаясь из парка, я заметил, что окно моего кабинета распахнуто настежь, хотя я точно его закрывал. Неужели кто-то проник в кабинет?

○ **Вернуться в кабинет — (32)**

13

Оторвавшись от дневника, вы оглянулись в квартире. На политической карте мира, висящей у вас на стене, половина суши оказалась покрашенной красным. На столе стоит фотография дедушки в чёрной рамке. Он на фото ещё молодой.

Из радиоприёмника голос Гёббельса кричит о самопожертвовании и ничтожной ценности индивидуума по сравнению с целым народом.

Вы выглянули в окно. Там, где на стенах осталось место, свободное от флагов и плакатов, красуются надписи За Родину! и Убей жида!. На лавочке компания подростков задорно поёт под гитару Was Wollen Wir Trinken. Взвод полицейских, маршируя мимо них, принялся подпевать.

От созерцания пейзажа отвлёк топот тяжёлых ботинок на лестничной площадке, стук в дверь и крик:

— Открывайте! Именем фюрера, вы арестованы!

14

— Такой вы, значит, — процедил Штирлиц, но не забыл о вежливости и предложил закурить. — Угощайтесь, вы таких не пробовали.

Из любопытства я взял её, прикурил и затянулся. Через мгновение кашель разорвал глотку. Едкий дым начал першить в горле и щипать глаза. Что это за адский табак? Я выпил из стакана, чтобы унять горечь, разогнал дым взмахом руки и обратился к штандартенфюреру:

— Гм... Необычно. Но перейдём к сути: что за вопрос? Вы меня заинтриговали.

Перед тем, как ответить, Штирлиц показал рукой на окно, за которым разносился мой голос. Как раз началось утреннее вещание.

— Вы каждый день слушаете самого себя. А согласны ли с тем, о чём говорите? Не беспокоит ли происходящее? Вы ведь не злодей и не фанатик. Если внутри вас ещё живёт тот молодой журналист, если осталась человечность... Мне нужна ваша помощь.

— Я вас понял. Примерно, — пробормотал я, думая, не вызвать ли охрану. — Но о чём вы конкретно?

— Приходите в полдень, — только и сказал Штирлиц.

Он положил передо на стол пачку папирос, попрощался и вышел. На пачке Беломорканала был написан адрес: Унтер-Ден-Линден 9.

Определённо, я нужен Штирлицу живым. Можно будет и придти. Взглянув на часы, увидел, что опаздываю к фюреру.

○ **Собратся на встречу с Гитлером** — (47)

15

Я решил и сделал верный выбор — выбросил подготовленный текст. Совесть будет чиста. Пришло время выступления. Подъехал к Дворцу спорта и тут же обратился к

ближайшему охраннику:

— Как тебя зовут, солдат?

— Ганс, герр рейхсминистр, — ответил тот, глядя на меня выпученными глазами.

— Дай свой пистолет, Ганс.

— Но табельное...

— Пи-сто-лет, — по слогам процедил я.

Солдат сразу отдал оружие. Спрятав маузер в пиджак, я нашёл Гитлера, который как раз собирался подняться на свой балкон вверху зрительского зала.

— Мой фюрер, есть предложение. Не хотите ли выйти вместе со мной на сцену? Одно только ваше появление приводит людей в восторг. Можете даже ничего не говорить.

Падкий на подобную лесть Гитлер тут же ответил:

— С радостью, Йозеф. Несомненно, это поможет поднять боевой дух немцев.

Мы вышли на обозрение тысяч глаз, стоя вдвоём за трибуной. Миллионы ушей напрягли слух. И все они привыкли верить мне с полуслова, что бы я ни сказал.

Десятки видеокамер то снимают меня, то Гитлера, то выхватывают самые красивые и счастливые лица из зала. Сейчас веселья будет поменьше. Я обхватил Гитлера сзади и приставил пистолет к его виску.

— Если мне отключат микрофон, фюрер умрёт!(Я начал говорить, всё так же держа вождя. Сперва я вещал негромко, чтобы люди вслушивались).

Внимай мне, немецкий народ. Я поведаю знание, без которого не смог бы так хорошо полоскать вам мозги. Узнайте же и вы о своих примитивных повадках.

Вы считаете патриотизм высоким чувством, присущим только благородному человеку. Нет, нет и ещё раз нет. Думаете, жертвуя свои жизни во имя немецкого народа и Германии, вы делаете это сознательно? Это гораздо глубже сознания, дорогие мои.

Готовность жертвовать собой — не только человеческая черта. Животные тоже так могут. Например, пчёлы отдают жизнь, защищая улей, ибо укусы пчелы смертельны для неё самой. У муравьёв тоже есть похожие самоубийцы. А ведь моё министерство рассказывало о том, что безоговорочно приносить себя в жертву ради народа может только истинный ариец. Муравьи, получается, тоже арийцы?

Самопожертвование бессознательно! А кто, если не вы сами, пробуждает в вас желание умереть за родину? Я, министр пропаганды.

И существует одно условие, при котором этот инстинкт проявляется особенно ярко. Ещё учась в университете, я наблюдал эксперимент: Живёт группа шимпанзе. Ссорятся и мирятся, но друг-друга не едят. Обычная внутригрупповая агрессия. И тут рядом с ними селят другую группу шимпанзе. Знаете, что начинается? Межгрупповая агрессия. Война.

Что же делает первая группа? Они перестают ссориться. Все сплачиваются и держатся вместе. Помогают друг другу, делятся едой, ухаживают за всеми детишками, которых только видят, и, при этом, не забывают о соседях. Да, соседей они убивают при малейшей возможности.

Повторяли эксперимент с крысами — то же самое. Появление чужаков резко повышает альтруизм среди своих. Учёные доказали то, что и так известно: лучший цемент для коллектива — внешняя угроза. И это правило работает для всех социальных животных. И вы, арийцы, тут не исключение.

Правило работало и для наших предков. Агрессия между племенами древних людей была настолько высока, что вся их недолгая жизнь проходила в постоянных конфликтах с соседями. Девяносто девять процентов истории человечества мы провели в межплеменных войнах. Пастбищ и охотничьих угодий на все племена не хватало, понимаете ли. В этой

кровавой бане выживали только те племена, у которых были гены самоотверженности и способности отдать свою жизнь за благо племени. Так мы прошли жёсткий отбор на способность жертвовать собой.

В оставшийся процент истории мы совершили прорыв и превратились из древних людей в людей современных. Правда, в быстром развитии мы обогнали сами себя. Многие законы и моральные нормы гораздо человечнее, чем наши инстинкты, которые не успевают меняться так быстро. И поэтому, во многом сохранило звериный оскал древних времён. И многие ценные гены, которые помогали нам тогда выжить, сегодня вредят.

Полезной для правителей, но вредной для вас оказалась связка войны и альтруизма. Эти инстинкты больше не помогают нам выживать в родоплеменных конфликтах за неимением таковых, но зато превратилось в удобный инструмент манипулирования. Особенно, если этих людей сразу много. А работает это так:

○ **Как нами манипулируют** — (54)

16

— Скоро начнётся выступление. Вас будет слушать не только вся Германия, а даже часть более свободного мира, — обратился ко мне Кэмпбелл. — Герр рейхсминистр... Текст речи напечатают все немецкие газеты, над городами Европы самолёты будут сбрасывать листовки с вашими цитатами.

— Я в курсе.

— Вы повлияете на сознание масс. Что, если скажете не о долге, преданности фюреру и войне?

— Ну и что же мне говорить, по-вашему?

— Скажите людям правду. — отрезал мой бывший пропагандист.

Я рассмеялся в лицо иностранным разведчикам. Наивные.

— По-вашему, есть объективная истина? Не является ли правдой, то, во что верит каждый? Человек создаёт собственный мир из того, во что верит, — я промочил горло вином. — Только сознание решает, что истинно.

— Вы правы, но для глобальных перемен важно общество, а не каждый в отдельности, — возразил советский шпион. — То, во что поверит большинство и будет правдой для народа. Так дайте им новую истину, Йозеф! Вы в силах подарить людям терпимость вместо ксенофобии, пацифизм вместо нацизма и мир вместо войны.

— Любовь вместо ненависти, — добавила Кэт.

Кариус стоял, словно поражённый звуком пушки его же Тигра. Я владел собой получше и спросил:

— Зачем мне это делать?

— Чтобы разрушить концлагерь, в который Гитлер превратил всю страну, — прошептал Штирлиц.

В чём-то он прав. И если я помогу им и Германия проиграет войну, меня не повесят, как военного преступника... Возможно. Особняк окутало молчание, нарушаемое только шумом машин за окном. Разведчики ждали моего хода.

— Допустим, я это сделаю. Но! — я начал загибать пальцы. — Во-первых, как только начну говорить что-то не то, отключат микрофон и всё прогорит. Во-вторых, партия слишком прочно вцепилась во власть... И война зашла далеко. В-третьих, культ личности слишком велик, многое держится на авторитете Гитлера.

Штирлиц выпрямился и посмотрел мне в глаза, излучая уверенность. Он произнёс:

— Нам удалось заминировать Дворец Спорта, а вы получите детонатор. Угрожайте взорвать здание, в котором собрались самые важные люди Рейха и вам позволят говорить. Если что-то пойдёт не так, всегда сможете взорвать его. А я, тем временем... — оборвался на полуслове офицер и залпом допил своё вино.

○ — **Что вы тем временем сделаете, Штирлиц?** — (39)

17

...

Я продолжал ещё около ста минут. Пугал людей угрозой еврейского коммунизма, нависшего над Германией. Описывал террор, голод и беспорядки, которые воцарятся сразу же,

как только мы сдадим позиции.

Говорил о долге, обязывающем каждого немецкого солдата защищать своих братьев-соотечественников и родину-мать. Оставшихся в тылу призывал ставить национальный долг выше собственного комфорта. Указал, что на террор нужно отвечать террором и не щадить врага так же, как и себя.

Наконец, подошёл к ключевой части речи:

— Я вижу в Дворце спорта тысячи немецких женщин. Здесь и молодёжь, и старики. Ни один класс, ни одна профессия, ни один возраст не остались без приглашения. Я могу со всей уверенностью сказать, что передо мной собралась показательная выборка немецкого населения - как с тыла, так и с фронта. Так ли это? Да или нет? (Люди почувствовали, что им дали право голоса. Тысячи людей разом вскочили на ноги. Шквальный вопль JA! заглушил мой голос напрочь). Вы, мои слушатели, на данный момент представляете весь народ. Я хочу задать вам десять вопросов, на которые вы ответите за немецкий народ на весь мир, но прежде всего для наших врагов, слушающих нас по радио. (На каждый из десяти вопросов публика отвечала с необычайным энтузиазмом. Каждый чувствовал, будто бы вопрос задавался лично ему и орал утвердительный ответ во всю глотку. В сумме вышло устрашающее зрелище.)

Я спрашиваю вас: верите ли вы, вместе с Фюрером и нами, в полную и окончательную победу немецкого народа?

— JA!

Я спрашиваю вас: намерены ли вы следовать за Фюрером сквозь огонь и воду к победе и готовы ли вы взять на себя даже самое тяжёлое личное бремя?

— JA!

Я спрашиваю вас: готовы ли вы следовать за Фюрером как фаланга тыла, стоя позади сражающейся армии, и вести войну с фанатичной решимостью, несмотря ни на какие повороты судьбы, до тех пор пока победа не будет за нами?

— JA!

Я спрашиваю вас: намерены ли вы и весь немецкий народ трудиться, если Фюрер прикажет, по 10, 12 и, в случае необходимости, 14 часов в день и отдать всё для победы?

— JA!

Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальную войну? Если потребуется, хотите ли вы более тотальную и радикальную войну, чем вы вообще можете сегодня представить?

— JA!

Я спрашиваю вас: доверяете ли вы фюреру сильнее, крепче и непоколебимей, чем прежде? Готовы ли вы целиком и полностью следовать ему, куда бы он ни пошёл, и делать всё, что только потребуется для доведения войны до победного конца? (Многотысячная толпа поднимается как один, проявляя беспрецедентный энтузиазм. Тысячи голосов сливаются в один: Фюрер, приказывай - мы следуем за тобой! Дворец сотрясает волна возгласов Хайль! Словно по команде, поднимаются флаги и знамёна, как высшее выражение торжественного мига, когда толпа воздаёт честь фюреру.) Шестое. Я спрашиваю вас: готовы ли вы отныне отдавать все свои силы для обеспечения восточного фронта людьми и вооружением, необходимыми ему для того, чтобы нанести большевизму смертельный удар?

— JA!

Седьмое. Я спрашиваю вас: клянётесь ли вы торжественно перед фронтом, что тыл надёжно стоит за ним и что вы отдадите ему всё, что ему нужно для победы?

— JA!

Восьмое. Я спрашиваю вас: хотите ли вы, в особенности женщины, чтобы правительство делало всё возможное, чтобы побудить немецких женщин отдать все свои силы работе на военную экономику, а также освободить мужчин для фронта везде, где это только возможно,

тем самым оказав помощь мужчинам на фронте?

— Я!

Девятое. Я спрашиваю вас: одобрите ли вы, в случае необходимости, самые радикальные меры против небольшой кучки уклонистов и спекулянтов, делающих вид, будто сейчас не война, а мир, и использующих народную нужду в своих корыстных целях? Согласны ли вы, что наносящие вред военной экономике должны лишиться головы?

— Я!

Десятое, и последнее. Я спрашиваю вас: согласны ли вы, что прежде всего во время войны, согласно платформе национал-социалистической партии, все должны иметь одинаковые права и обязанности, что тыл должен нести тяжёлое бремя войны совместно и что бремя следует поровну разделить между начальниками и простыми служащими, между богатыми и бедными?

— Я!

Я задал вопросы, и вы мне на них ответили. Вы - часть народа, и ваши ответы - это ответы немецкого народа. Вы сказали нашим врагам то, что они должны были услышать, чтобы у них не было никаких иллюзий и ложных идей.

Сейчас, так же как и в первые часы нашего правления и в последующие десять лет, мы тесно сплочены с немецким народом. За нами - самый могучий союзник на всей земле, сам народ, и он полон решимости следовать за Фюрером, что бы ни случилось.

Народ готов нести самое тяжёлое бремя, лишь бы это привело к победе. Какая сила на земле сможет помешать нам достичь этой цели? Мы должны победить, и мы победим!

Народ готов на всё. Фюрер приказал, и мы последуем за ним. В этот час мы твёрдо верим в победу. Мы видим её перед собой; нам нужно только протянуть к ней руку. Мы должны научиться подчинять ей всё. Таков долг данной минуты. И наш лозунг должен быть таким: Воспрянь, народ, и пусть грянет буря!

○ Я ушёл под оглушающий рев толпы и нескончаемые аплодисменты. — (36)

Я сделал верный выбор. Мы победим.

Я быстро подошёл к трибуне, искренне источая уверенность и решимость. Тысячи глаз сосредоточили взоры на меня, миллионы ушей напрягли слух. И все привыкли верить мне с полуслова, что бы я ни сказал.

Десятки видеокамер то снимают меня, то выхватывают самые красивые и счастливые лица из зала. Начал говорить тихо, чтобы люди прислушивались.

— Я не знаю, сколько миллионов людей слушает меня по радио в этот вечер — в тылу и на фронте. Хочу обратиться ко всем вам из глубин моего сердца и затронуть глубины ваших сердец.

Буду говорить со всей серьёзностью и открытостью, как того требует данная минута. Немецкий народ — пробуждённый, воспитанный и обученный национал-социализмом, в состоянии вынести всю правду. Он знает всю серьёзность положения, и поэтому его руководство может требовать от него необходимых жёстких и даже жесточайших мер.

Мы, немцы, вооружены на случай слабости и нерешительности. Удары и несчастья войны только придадут нам дополнительные силы, твёрдую решимость, а также духовную и боевую волю для преодоления всех трудностей и преград с революционным натиском.

Перейдём к главному:

○ **Стать вождём** — (11)

Вождь ждёт в саду возле министерства пропаганды. Это чудный сад с широкими дорожками, липами и удобными лавочками. Здесь любят прогуливаться все — от нищих до вершителей судеб.

Шагая так быстро, как только позволяла моя хромота, я всё равно опоздал. Когда парк оказался в пределах видимости, Гитлер уже звал своих головорезов из Службы Безопасности, собираясь уходить.

— Хайль, майн фюрер! — подойдя, крикнул я и поднял правую руку.

Адольф Гитлер — единственный, перед кем мне приходится раболепствовать. Признаться, завидую фюреру, ведь только он никому не подчиняется. Единственный свободный человек в Германии повернулся в мою сторону и ответил:— Здравствуй, Йозеф. Думаешь, моё время неограниченно? Ты ведь понимаешь людей, как никто другой и должен был догадаться, что эта выходка меня разозлит.

Да пошёл ты — подумал я тогда. Но сказал другое, сев на лавку рядом с Главнокомандующим:

— Простите, я очень плохо себя чувствовал. Зачем вы звали меня?

— Всё ли готово к выступлению? — спросил Гитлер, немного нахмурившись. Его лицо всегда принимало суровое выражение, когда речь шла о важных делах.

— Да. Речь составлена, списки гостей готовы. К половине пятого Дворец Спорта будет ломиться от народу. Мы соберём там важнейших людей — министров, промышленников, всех, кто имеет отношение к власти и деньгам. Те, на кого нужно произвести наибольшее впечатление.(Вот, чьи мозги мне нужно промыть больше всего)

— Всё? — недоверчиво спросил Гитлер. — Толпа не наберётся.

— Нет, мой фюрер. Кроме них, будут присутствовать самые доблестные члены Гитлерюгенда, SS и Вермахта. (Сливки среди безмозглых отморожков. Нужно же кому-то орать: JA! HEIL!)

— Отлично, проблемой меньше, — лицо Гитлера немного просветлело, будто бы разгладились морщины. — Йозеф, я хотел спросить тебя ещё кое-о чём. Только вопросы могут показаться тебе странными...

○ — **На странные вопросы можно получить странные ответы, мой вождь. — (31)**

Крохотная комнатка, освещённая только настольной лампой, направленной в лицо пленнику. За столом, пошатываясь на табуретке, сидел Штирлиц. Из уголка его рта сочилась струйка крови. Я сел напротив разведчика.

Мюллер, шеф гестапо, давно хотел поймать этого проходимца. Он чуть ли не плакал, когда получил Штирлица. В качестве награды я попросил одну вещь — встречу со шпионом. Всё равно до речи ещё оставалось время и делать было нечего.

— Йозеф, вы ведь сторонник умственной борьбы — сказал Штирлиц. — Для допросов есть гестаповцы. Зачем вы здесь?

Растерявшись, я промычал нечто невразумительное.

— Сами не знаете, — усмехнулся шпион и сплюнул кровью. — А я догадываюсь. Вы до сих пор сомневаетесь.

Он прав, чёрт возьми. Но я не позволю сомнениям свернуть с верного пути.

— Министром быть неплохо, согласен, — продолжил Штирлиц. — Ради такой должности можно иногда закрывать глаза на совесть. Но вы, Йозеф... Вы хуже создателей концлагерей. В них уродуют и эксплуатируют тела, а ваша паутина клеветы и манипуляций уродует души.

— Зачем же было обращаться ко мне за помощью? — спросил я, закурив сигарету. — Кэмпбелл долго следил за вами. Говарду показалось, что перед ним человек, который хотел бы жить в другом мире.

— Только что понял, зачем сюда пришёл, — протянул я. — Мне любопытны ваши слова потому, что сейчас сложно встретить разные точки зрения. Вы думаете не в том направлении, которое я указываю народу. Можно сказать, что вы — один из немногих, имеющих собственные мысли.

В комнатку зашёл Мюллер, начальник тайной службы. Он с оттяжкой ударил Штирлица и вежливо поздоровался со мной.

— Была ли беседа содержательной? — спросил меня глава гестапо.

— Не слишком, но спасибо, — отозвался я. — Мне пора.

Закутался в пальто и вышел на улицу. Рядом со штабом тайной полиции стояла виселица, не замеченная раньше... Подойдя ближе и разглядев повешенного, я охнул. Сжимая кулаки, заскрипел зубами от бессильной злобы. Это был Кэмпбелл.

Не знаю, смогу ли я смириться с его смертью. Ну ничего, пройдёт. Всё проходит. Или они должны заплатить? Может быть, Штирлиц в чём-то был прав?

Пора на выступление во Дворец спорта — (8)

Зря я сдал шпионов... Гитлера нужно остановить — (15)

— Готовы к своему триумфу? — спросил Гитлер после того, как я поздоровался.— Конечно, мой фюрер, — ответил я и начал увлечённо плести им басни о несокрушимости Германии. Вожди нации лишь кивали и поддакивали. В конце концов, власть имущим надоело стоять на холоде. Компания пошла внутрь Дворца спорта. Министры и генералы отправились в отдельную ложу, а Гитлер пошёл по ступенькам на верхний балкон, который он целиком выделил для своей семьи.— Йозеф, пойдёте со мной, — пригласил усатый садист. — До начала ещё полчаса, успеем выпить за ваш успех. С женой мне скучно. Это приказ.

Естественно, я согласился. Лишние подозрения сейчас ни к чему. Пройдя мимо дюжины охранников наверх, мы поднялись на балкон. Интересно, как Штирлиц собрался мимо них проскользнуть?

С балкона открывался вид на зал Дворца спорта. Повсюду висели гербы и флаги Рейха. Тысячи человек собрались, чтобы выслушать меня. Но сейчас меня могли услышать только Адольф Гитлер, его жена Ева Браун и начальник личной охраны вождя, стоявший в углу.

Ева тепло поприветствовала меня. Дама сняла перчатку и позволила поцеловать её руку. Все утонули в мягких креслах. Фюрер протянул по бокалу шампанского мне и начальнику охраны:— Йозеф, Макс, берите и не стесняйтесь. Вы мне близки, как члены семьи.

Макс?? Начальник охраны вышел из тени и я тут же узнал его. Эти строгие черты и решимость в глазах видно даже в полутьме. Вождь сказал тост:— За твою речь, Йозеф. За упорство и рвение, которое она породит в сердцах наших солдат. За решимость и веру в правое дело! За великую Германию!

Как только диктатор договорил, раздались два негромких щелчка. Гитлер и Ева уронили бокалы на пол и обмякли. Фюрер издал короткий хрип. Самая влиятельная в Германии семья неподвижно лежала с дырами в головах. Кровь заструилась по красной повязке Адольфа, перечёркивая нарисованную на ней свастику.— В один день... Романтика, — протянул я.

Начальник охраны довольно хмыкнул. Подойдя к уже бывшему рейхсканцлеру вплотную, он сделал контрольный выстрел. Штирлиц убрал пистолет и перевернул трупы так, чтобы входные пулевые отверстия смотрели в зал.— Пора уходить, — бросил советский разведчик, открыл дверь в коридор и позвал охрану. Сбежавшись и увидев мёртвого фюрера, они схватились за оружие, но Макс унял их:— Стреляли из зала, когда они встали, чтобы встретить Гёббельса, идиоты! Посмотрите, как они лежат.— Мне пора выступить, — твёрдо сказал я. — Речь нельзя отменять.— Последние слова фюрера были о том, как важна ваша речь. Нужно исполнить волю вождя, — поддакнул Штирлиц, чтобы окончательно развеять сомнение в охранниках— Пока я не договорю, оцепите Дворец спорта, чтобы никто не пошёл и не вышел, — распорядился я.— Подумайте вот над чем: вы патриот немецкого народа или человечества? До свидания, Йозеф, — шепнул мне шпион. — Вряд ли прощаемся.

Штирлиц прихватил головурезов и убежал ловить самого себя. Я поплёлся к трибуне, обдумывая случившееся. Я могу сделать так, как говорили шпионы: произнести речь против политики партии и войны, сложить полномочия и призвать остальных сделать то же... Попробовать остановить распространение тоталитаризма.

С другой стороны, я могу воспользоваться смертью вождя. Произнести пламенную речь, зовущую встать на защиту Германии. Можно предложить им достойную кандидатуру на смену Гитлеру... Да, у меня есть шанс стать следующим рейхсканцлером и фюрером.

- Я должен остановить весь этот ужас — (27)
- Вся Германия у моих ног. Почему бы не взять её? — (18)

22

— Мой фюрер, у меня чрезвычайно важная информация, — сказал я, волнуясь.

Гитлер оторвался от светской беседы.— Что случилось?

— На вас готовится покушение. Макс Отто фон Штирлиц...

— Новый начальник моей охраны? — изумился диктатор.

— Информация достоверна.

Гитлер сделался мрачнее неба в грозу.

— Подумать только, измена под самым носом. Ганс, взять Штирлица! Удвоить мою охрану! Быстро!!! И... Спасибо, Йозеф.

— Всегда к вашим услугам, мой фюрер.

Я поспешил внутрь Дворца спорта, выбросив из головы ересь, которой меня пичкали вражеские шпионы.

○ **Произнести речь — (8)**

23

— Я убью Адольфа Гитлера, — прошептал Штирлиц.— Мы лишим партию вождя, а вы оставите её без народной поддержки, — рассудительно сказал мне Кэмпбелл. — Разом отрубим гидре голову и лапы.— Я подумаю, — медленно ответил я, умело скрывая бурю эмоций внутри.

Как только Кэт предложила выпить за это, с грохотом выбили входную дверь. Мы вскочили со стульев. В особняк ворвалось около десятка солдат с винтовками наперевес. Поднялся жуткий крик и переполох. Вопли Хенде Хох! и Именем фюрера, вы арестованы! заглушали даже топот солдатских сапог. Штирлиц шагнул вперёд и закричал:— Я штандартенфюрер SS! Что вы себе позволяете?!

Грозного штандартенфюрера тут же уложили на пол и приставили винтовку к затылку. Кэт взвизгнула и попробовала подбежать к напарнику по шпионажу. К её груди тут же приставили штык. Никто больше не смел шевелиться. Из-за спин солдатни вышел офицер в чёрной униформе. Пнув Штирлица, он лениво протянул:— Макс Отто фон Штирлиц, вы арестованы. Против вас есть улики. Соппротивление бесполе... — Офицер, наконец, заметил рейхсминистра народного просвещения и пропаганды, скромно стоящего в углу. — Г-герр Г-ёб-бельс?

Он начал заикаться, а потом и вовсе язык проглотил. Нужно воспользоваться моментом... Но как?

○ — **Я раскрыл иностранных шпионов. Вот этот даже хотел убить фюрера! — (20)**

○ — **Вы очень вовремя, майор. Я как раз обсуждал со Штирлицем бесполезность некоторых военнослужащих... — (46)**

24

— Но остальное будет вам неинтересно.

Пора было возвращаться к работе и я решил свернуть разговор. Повисло молчание, которое нарушала только болтовня телохранителей фюрера, стоявших неподалёку. Больше никого рядом не было, прохожие не смели мешать разговору двоих могущественных персон. Спустя минуту Гитлер изрёк:

— Ладно, не буду больше задерживать. Иди и делай то, что должен.

Вождь нации позвал телохранителей и удалился, а я зашагал в министерство пропаганды, бурча под нос проклятья в сторону Гитлера. Этот усатый олень с манией величия оторвал меня от работы только для того, чтобы удовлетворить своё любопытство! Возвращаясь из парка, я заметил, что окно моего кабинета распахнуто настежь, хотя я точно его закрывал. Неужели кто-то проник в кабинет?

Вернуться в кабинет — (32)

25

Я сделал верный выбор. Мы победим.

Я быстро подошёл к трибуне, искренне источая уверенность и решимость. Тысячи глаз сосредоточили взоры на меня, миллионы ушей напрягли слух. И все привыкли верить мне с полуслова, что бы я ни сказал.

Десятки видеокамер то снимают меня, то выхватывают самые красивые и счастливые лица из зала. Начал говорить тихо, чтобы люди прислушивались.

— Я не знаю, сколько миллионов людей слушает меня по радио в этот вечер — в тылу и на фронте. Хочу обратиться ко всем вам из глубин моего сердца и затронуть глубины ваших сердец.

Буду говорить со всей серьёзностью и открытостью, как того требует данная минута. Немецкий народ — пробуждённый, воспитанный и обученный национал-социализмом, в состоянии вынести всю правду. Он знает всю серьёзность положения, и поэтому его руководство может требовать от него необходимых жёстких и даже жесточайших мер.

Мы, немцы, вооружены на случай слабости и нерешительности. Удары и несчастья войны только придадут нам дополнительные силы, твёрдую решимость, а также духовную и боевую волю для преодоления всех трудностей и преград с революционным натиском.

Перейдём к главному:

Стать вождём — (44)

— Готовы к своему триумфу? — спросил Гитлер после того, как я поздоровался.

— Конечно, мой фюрер, — ответил я и начал увлечённо плести им басни о несокрушимости Германии.

Вожди нации лишь кивали и поддакивали. В конце концов, власть имущим надоело стоять на холоде. Компания пошла внутрь Дворца спорта. Министры и генералы отправились в отдельную ложу, а Гитлер пошёл по ступенькам на верхний балкон, который он целиком выделил для своей семьи.

— Йозеф, пойдёмте со мной, — пригласил усатый садист. — Новый начальник охраны, Штирлиц, убедил меня до твоей речи лично наградить этого аса... Кариуса, кажется. Он всё-таки подаёт пример всем немецким солдатам.

Пройдя мимо дюжины охранников, мы подошли к сцене. С неё открывался вид на зал Дворца спорта. Повсюду висели гербы и флаги Рейха. Тысячи человек собрались, чтобы выслушать нас.

Вождь первым подошёл к микрофону и начал говорить, по привычке потрясая кулаком.

— Прежде, чем отдать своему министру право говорить, я хотел бы наградить самого отважного воина Третьего Рейха. За решимость и веру в правое дело, за стальную отвагу, я награждаю Отто Кариуса Рыцарским Крестом с Дубовыми Листьями!

Сейчас должен выйти Отто, получить награду, сказать пару слов и смиренно уйти. Потом должен был наступить моей черед... Но этого не случилось. Из-за сцены раздался приглушённый гул. Мы с Гитлером обернулись, не понимая, что происходит. Гул перерос в мощный рев. Прогремел пушечный выстрел, разорвавший огромный флаг позади сцены в клочья. Рыча и выпуская дым, на подиум выехал разъярённый «Тигр».

По броне пару раз скользнули наивные пули телохранителей Гитлера. Танк проехался, уродуя гусеницами сцену, и остановился в паре метров от Гитлера. Фюрер остолбенел от ужаса и молча смотрел на стальную зверюгу. Пушка опустилась.

— Огонь! — прогудел изнутри голос танкового аса.

Сверкнул огонь, гром ударил по ушам, а сцену окутал дым. Когда он развеялся, от вождя не осталось и следа... Разве что воон те кровавые ошметки посреди огромной ямы в сцене. Со скрипом открылся люк на башне танка, показав молодого танкиста. Кариус поднёс ко рту рупор и заорал:— Это тебе за униженную и разрушенную Германию, усатый мудака! Я защитил родину до конца! Механик, задний ход! Йозеф, ваш выход... А вы сидите и слушайте, если что, снарядов у меня хватит!

Танк сдал назад и остановился немного позади сцены. Мой черёд. Я могу сделать так, как говорили шпионы: произнести речь против политики партии и войны, сложить полномочия и призвать остальных сделать то же... Попробовать остановить распространение тоталитаризма.

С другой стороны, я могу воспользоваться смертью вождя. Произнести пламенную речь, зовущую встать на защиту Германии. Можно предложить им достойную кандидатуру на смену Гитлеру... Да, у меня есть шанс стать следующим рейхсканцлером и фюрером.

Я должен остановить весь этот ужас — (27)

Вся Германия у моих ног. Почему бы не взять её? — (25)

Я решился и сделал верный выбор. Выбросил подготовленный текст. Совесть будет чиста.

Волнуясь, вышел к трибуне. Тысячи глаз сосредоточили взоры на меня, миллионы ушей напрягли слух. И все они привыкли верить мне с полуслова. Что бы я ни сказал. Десятки видеокамер то снимают меня, то выхватывают самые красивые и счастливые лица из зала. Сейчас веселья будет поменьше. Вместо того, чтобы вскинуть правую руку, я поднял левую. В ней зажат детонатор.

— Если мне отключат микрофон, это здание взорвётся. Сливки общества, властолюбцы и богачи канут в лету.

Я начал говорить негромко, чтобы люди вслушивались.

— Внимай мне, немецкий народ. Я поведаю знание, без которого не смог бы так хорошо полоскать вам мозги. Узнайте же и вы о своих примитивных повадках.

Вы считаете патриотизм высоким чувством, присущим только благородному человеку. Нет, нет и ещё раз нет. Думаете, жертвуя свои жизни во имя немецкого народа и Германии, вы делаете это сознательно? Это гораздо глубже сознания, дорогие мои. Готовность жертвовать собой — не только человеческая черта. Животные тоже так умеют. Например, пчёлы отдают свою жизнь, защищая улей, потому то укус пчелы смертелен только для неё самой. У муравьёв тоже есть похожие самоубийцы. А ведь моё министерство рассказывало о том, что безоговорочно приносить себя в жертву ради народа может только истинный ариец. Пчёлы, ведомые только инстинктами, получается, тоже благородные арийцы?

Мы уяснили, что самопожертвование — акт бессознательного альтруизма. А кто, если не вы, пробуждает в вас желание умереть за родину? Я, ваш горячо любимый министр пропаганды.

И существует одно условие, при котором этот инстинкт проявляется особенно ярко. Ещё учась в университете, я наблюдал эксперимент: Живёт группа шимпанзе. Ну, живут себе и живут. Ссорятся и мирятся, но друг-друга не едят. Обычная внутригрупповая агрессия. И тут рядом с ними селят другую группу шимпанзе. Знаете, что начинается? Межгрупповая агрессия. Война. Что же делает первая группа? Они немедленно перестают ссориться. Все сплачиваются и держатся вместе. То есть, помогают друг другу, делятся едой, ухаживают за всеми детишками, которых только видят, и при этом ни на минуту не забывают о соседях. Да, соседей они убивают при малейшей возможности.

Повторяли эксперимент с крысами — то же самое. Появление чужаков резко повышает альтруизм среди своих. Учёные доказали то, что и так известно: лучший цемент для коллектива — внешняя угроза. И это правило работает для всех социальных животных. И вы, арийцы, тут не исключение.

Правило работало и для наших предков. Агрессия между племенами древних людей была настолько высока, что вся их недолгая жизнь проходила в постоянных конфликтах с соседями. Девяносто девять процентов истории человечества мы провели в межплеменных войнах. Пастбищ и охотничьих угодий на все племена не хватало, понимаете ли. Таким образом, мы прошли через очень жёсткий отбор на способность жертвовать собой. Потому что, конечно, в этой кровавой бане выживали только те племена, у которых были гены самоотверженности и способности отдать свою жизнь за благо своего племени. В оставшийся один процент человеческой истории мы совершили прорыв и превратились из древних людей в людей современных. Правда, в стремительном развитии мы обогнали сами себя. Многие теперешние законы и моральные нормы гораздо человечнее, чем наше инстинктивное поведение, которое не успевает изменяться так быстро. И поэтому, во многом сохранило звериный оскал древних времён. И многие ценные гены, которые помогали нам тогда выжить, сейчас просто бесполезны, а то и вовсе вредны.

Полезной для правителей, но вредной для каждого из вас оказалась связка войны и

альтруизма. Эти инстинкты больше не помогают нам выживать в родоплеменных конфликтах за неимением таковых, но зато превратилось в очень удобный инструмент манипулирования людьми. Особенно, если этих людей сразу много. А работает это так:

○ **Как вами манипулируют** — (34)

28

— Валяй, — бросил я, стараясь не отвлекаться от вождения.

— Начал карьеру на лёгком Pz.38, недавно пересел на новый тяжёлый танк Pz.VI «Тигр» и успел проявить себя, как надёжный командир. Говорят, быстро соображает и отлично разбирается в тактике. Уникум, учитывая возраст — всего двадцать один год. Сейчас находится в звании оберлейтенанта.

— Чем награждали?

— Получил три знака За ранение, Медаль за зимнюю кампанию на Востоке 1941/42, За танковую атаку и Железный Крест первого класса. Стоит вопрос о награждении Рыцарским Крестом с Дубовыми Листьями. Солидный набор, как для боевых наград.

— Согласен.

Подъехав к приземистому и серому зданию, я вылез из автомобиля, оставив Кэмпбелла в машине. Зайдя, оглянулся и сморщил нос. Изнутри цех оказался таким же неприглядным и грязным. Запахи пота и бензина соревновались в том, что первым заставит меня блевать.

Посреди беспорядка высился 56-тонный танк. Дюжина механиков, одновременно обсуждая технические вопросы и пиво, копошилась вокруг стального чудовища. Квадратная машина смерти понуро склонила дуло вниз, будто соскучившись по полю боя.

Не отстраняясь от грязных и нищих механиков, в цеху стоял Кариус и активно участвовал в обсуждении сортов пива. В парадной униформе, увешанный наградами, он показался мне воплощением современного рыцаря. Танковый ас очень молодо выглядел. Если бы увидел его в гражданском, то не поверил бы, что передо мной командир и ветеран многих сражений.

Как только я подошёл поближе, работа остановилась. Взлетели вверх правые руки. Все, как один, вытянулись и крикнули Хайль Гитлер!. Я поприветствовал рабочих и обратился к Кариусу:

— Как там ваши Тигры на фронте, оберлейтенант?

— Тигры в грязи, герр рейхсминистр. В грязи, пыли и крови. А я тут в Берлине и в белом костюмчике...

— Не беспокойтесь, получите награду, отдохнёте — и снова на фронт, наматывать врагов родины на гусеницы. У меня к вам пара вопросов...

— Конечно. Давайте отойдём, здесь шумно, — тут же согласился Кариус. — И воняет.

○ **Задать вопросы для своей речи** — (29)

Немного отдалившись от механиков, мы нашли пару табуреток. Обменялись сводками с фронта и обсудили политику. Заметив, что беседа топчется на банальностях, Отто угостил меня солдатским шнапсом из фляги и выпил сам. Беседа пошла веселее.

— Отто, за что вы воюете? — спросил я, глядя в его широко раскрытые, задумчивые глаза.

— Как любой честный солдат, я защищаю свою страну и народ.

Я задумался над тем, что говорил Штирлиц и начал вести беседу в крамольную сторону:

— А каково вам воевать именно за национал-социализм? За подвиги нашей доблестной тайной полиции, за слежку и преследование инакомыслящих? За тотальный геноцид, в конце концов! Вы защищаете не только родину, но и концлагеря.

Брови Кариуса взлетели вверх. Он опешил и не отвечал около минуты. Сделав ещё глоток из фляги, ас медленно ответил:

— Да, мне не всё нравится и есть вещи, за которые не хочется воевать... Но родина не сжигает евреев. Что бы ни творили эсэсовцы и гестаповцы, я всё равно останусь немцем. А это значит, что защита страны останется моим долгом. — Защищаете Германию, воюя в России...? Ух ты, я вижу сомнение в ваших глазах! Уверены, что делаете правое дело?

— Абсолютно, — твёрдо ответил Кариус.

Я рассмеялся и попросил ещё глоток шнапса.— Молодец, Отто, вы настоящий сын своего народа. Сегодня я расскажу о вас всей Германии; страна должна знать своих героев.— Спасибо, герр рейхсминистр, — облегчённо выдохнул танкист. — Этот подарок будет почётней ордена, что мне сегодня вручит Гитлер... Ведь после того, как вы обо мне расскажете, моя любовь к фатерлянду станет взаимной.

Кариус получил дружественный хлопок по плечу и похвалу за рвение. Прошло ещё несколько минут болтовни. Сквозь дыры в крыше показалось солнце, поднявшееся в зенит. Взглянув на часы, я увидел, что близилось назначенное Штирлицем время. Пришло время наведаться к странному эсэсовцу. Может, взять с собой танкиста? Отчего-то я почувствовал, что он может быть полезен...

○ — Было приятно поболтать. Прощайте, Отто. — (10)

○ — Мне нужно наведаться в гости к одному любопытному полковнику... Составите компанию, Отто? — (51)

Не успел я испугаться, как эсэсовец улыбнулся и пригласил нас внутрь.

Когда мы оба зашли, Штирлиц выглянул наружу и удостоверился, что к нам не приклеился хвост. Оказавшись в парадной, Кэмпбелл и Штирлиц дружески обнялись.— Говард, сволочь, — возмутился я, — ты был мне как брат!— Уж простите, что обманывал, — рассмеялся Кэмпбелл. — Как говорил Сунь Цзы: война — это путь обмана.— Проходи, не задерживайся, — сказал ему Штирлиц, пряча пистолет.

Компания зашла в обширную гостиную. У одной стены трещал камин, а противоположную украшала картина Фридриха Великого; такая же, как в моём кабинете. На резном деревянном столе, предсказывая недалёкое будущее, стояла откупоренная бутылка вина.

Около стола расположилось пианино, а играла на нём темноволосая девушка с немного округлым и грустным лицом. Её пальцы бегали по клавишам пианино, а глаза замерли и смотрели в одну точку — на меня. Тотчас смутившись, я повернулся к Штирлицу:— Будьте добры, представьте фройляйн.— А я могу и сама представиться, — задорно бросила девушка. — Кэтрин, можно просто Кэт. Работаю радисткой. А вы, стало быть, Йозеф Гёббельс.— Ну да... Очень приятно, — пробурчал я.— Присаживайтесь, — пригласил Штирлиц за стол. — Йозеф, будете Беломорканал?— Спасибо вам, Штирлиц, но я думаю бросить курить.— Вот это правильно, — отозвался эсэсовец, наливая вино. — Кстати... Можно просто Макс.— Договорились, Макс, — ухмыльнулся я. — Или, может быть, Всеволод?

Глаза Штирлица округлились, он даже пролил на стол немного вина.— Откуда...?— Вчера наши перехватили радиограмму из некого Центра; видимо, из Москвы. Только не знали, кому она адресована... Что же, теперь я знаю. Подвалы гестапо по вам плачут, господа.

Кэт встала из-за пианино, оставив камин трещать в одиночестве. Она присоединилась к столу и сказала мне, взяв бокал:— Погодите отдавать на растерзание, выслушайте нас.

То, как она смотрит на меня... Глядя на советскую радистку, почему-то не получается думать о шпионах, пропаганде, тайной полиции, вожде и нацизме. В голове остаётся только одна мысль: Кэт.

○ — Я слушаю... — (49)

31

— Мне интересно узнать, что ты думаешь о своей работе. Что можешь сказать о своей пропаганде? — произнёс Гитлер и выжидающе посмотрел на меня. Я не замедлил с ответом:— Многие говорят, что это подло и грязно. Они правы лишь отчасти. Да, мы изменяем умы людей без их ведома, но, возможно, мы делаем из них что-то лучшее! Из сброда создаём монолитную нацию. Разве это не благое дело? — Согласен, — сказал вождь и кивнул. — Продолжай.— Другие говорят, что это работает только на глупцах. Согласен, страшнейший враг пропаганды — интеллектуализм. Но мы и сами не вчера родились, мой фюрер, сможем и на умников найти управу.

Пришлось прерваться, чтобы перебороть желание закурить. Гитлер очень не одобрял курение и, чтобы не терять остатки его благосклонности, приходилось скрывать от него вредную привычку. Спустя полминуты я продолжил:— Я не согласен с тем, что пропаганда является чем-то низкопробным, ведь мы не сидели бы в правительственных креслах, если бы не были великими художниками пропаганды. Война может быть выиграна только если мы будем постоянно улучшать искусство пропаганды.

Фюрер поднял руку. Немного поразмыслив над сказанным, он позволил продолжить говорить. Я сказал:— Вот в чём секрет — того, кого хочешь подвергнуть пропаганде, надо насквозь пропитать идеей. Но так, чтобы он даже не заметил, что ею пропитан.— На чём она основана? — спросил фюрер, пристально глядя на меня.

Недолго думая, я ответил:— Она играет на глубоких чувствах и инстинктах, мой фюрер. Мы исходим из того, что человек недалеко ушёл от первобытного животного. Эффект толпы, многократное повторение, древние инстинкты защиты семьи, племени и территории своего племени — вот, что мы задействуем. И это ещё не всё...

- Рассказать Гитлеру об основных принципах пропаганды — (12)**
- Закончить разговор — (24)**

32

— Кэмпбелл!!! — Заорал я, как только зашёл в здание министерства.

Через пару минут Говард, наконец, подошёл.

— Да, герр рейхсминистр?

— Кто был в моей обители? Почему открыто окно?

— Не знаю, герр рейхсминистр, — вытянувшись по стойке смирно, ответил мой помощник. — Я работал со своими стажёрами.

— Ладно, сам разберусь, — пробормотал я и тотчас забыл о Говарде.

Зайдя в кабинет, закрыл окно и тщательно осмотрел помещение. Обнаружив, что ничего не исчезло, я недоуменно хмыкнул. Драгоценная картина Фридриха, мои книги, записки, письма и радиооборудование — всё на месте.

Не успел я удивиться, как моему цепкому взору попалась незнакомая деталь. Кто-то положил на стол письмо.

Я, как и многие, часто не могу удержаться перед сладостным соблазном любопытства. Ну что же... Ничего не потеряю, если прочту его. Усевшись за стол, надел очки для чтения и перчатки — на тот, случай если бумага смазана ядом. При моём положении, иногда полезно быть параноиком

33

Дедушка зашёл в комнату. С момента последней встречи он постарел. Может, ноша знания о мистическом дневнике тяготит его, прибавляя морщины?

В рубашке и джинсах он не был похож на героя войны и философа. «Чёрт побери, обложка ничего не значит. Если текст дрянной, то внешность его не спасёт. Но если он гениален, то в обложке нет нужды» — говорил старик, пряча медали в шкафу под старыми носками.

Присев, дедуля устало произнёс:

— Здравствуй.

— Привет, — ответили вы, успев спрятать дневник. — Как дела, где был?

— На рыбалке. Хоть бы одна рыба попалась, мать их дери! — ругнулся дед и прибавил ещё пару изощрённых оборотов. — Зато водорослей наловил, хоть жо... Хоть ложкой ешь. У тебя всё хорошо?

— Да, дедуля. Всё, что ты просил: продукты, сигареты и пластинка Высоцкого.

Старик довольно потёр руки.— Спасибо, хоть не помру с голоду или со скуки... Ладно, я устал и хочу прилечь. Рыбалка для моего дряхлого тела — роскошь. Чуть позже в шахматы перекинемся, хорошо?

— Договорились.

Старик поудобнее устроился на диване и вскоре уснул. Вы втихаря вытянули у него пару сигарет и включили настольную лампу. Вооружившись карандашом, открыли чёрную книгу.

○ Вершить историю — (2)

34

Я повысил тон. Тихий голос выполнил свою задачу — они внимательно вслушиваются. Теперь пора их распалать. С этим текстом будет посложнее, но я постараюсь.

— Допустим, нам нужна территория соседей. Конечно, можете прийти к своему народу и сказать: Слушайте, ребята, мне там кое-что надо, пойдёмте за это повоюем. Вас просто пошлют ко всем чертям. Ну а если вы будете манипулировать людьми, обращаясь к их инстинктам, у них просто не будет выбора.

Поэтому говорить надо так: Братья и сёстры (они не братья и не сёстры, но всё равно надо сказать, потому что альтруизм рассчитан на родственников), родина-мать в опасности и зовёт вас, своих детей, её защитить.

Головой все понимают, что мать - это вот, мама, и с ней всё в порядке, и если она куда и зовёт, то только обедать, а родина - это просто какая-то земля, она не может быть матерью, ей и рожать-то нечем.

Но! Все понимают, когда по одному (да и то не всегда), но упоминание родственников в тревожном контексте для людей, которые собраны в массу, имеет просто волшебный эффект.

Тут же активируется родственный альтруизм. Люди становятся готовы пожертвовать собой. Их инстинкты говорят: Братья, сёстры, мать, дети, это же море моей крови, это гора моих генов, это всё нужно защитить любой ценой. Да, кстати, всегда называйте это защитой, даже если собираетесь напасть, потому что, как мы помним по пчёлам и шимпанзе, изначально альтруизм создан для защиты родственников, хотя использоваться может для чего угодно.

Итак, полдела сделано, народ готов умирать. Осталось заставить убивать. Тут есть одна проблема. Психически здоровые люди не любят убивать других людей. Даже если им за это ничего не будет. У нас на этот счёт стоят инстинкты-запреты.

Тут нам на помощь приходят байки про гадких полуживотных-унтерменшей. Недолюди, которые надолго отстали в развитии от настоящих людей — арийцев.

Чтобы заставить солдат легко и непринуждённо убивать людей, вы должны превратить противника в НЕ-человека. Потому что НЕ-людей убивать можно. Но вот так это сделать? На помощь придёт отвращение. Это такая смесь страха и реакции избегания. В своё время отвращение сослужило нам хорошую службу, когда во времена тотальной антисанитарии помогало избегать болезней.

Дело вот в чём, уважаемые патриоты: отвращение подавляет жалость и сочувствие. Объект отвращения мы воспринимаем не как что-то живое, а просто как мерзость, которую нужно убить, будь это крыса, таракан или унтерменш.

Чем сильнее отвращение, тем больше потребность в принадлежности к своей группе и неприязнь к чужим. То есть, растёт патриотизм и ксенофобия. То есть, чем людям противнее враг, тем они больше патриоты и, соответственно, больше ксенофобы. Называйте их крысами, тараканами и падалью, говорите, что они трахают коз и едят младенцев. Когда вы обращаетесь к инстинктам, работает даже самая дикая ложь. Потому что инстинкты гораздо старше, чем интеллект. И пугайте, пугайте постоянно, потому что страх - это топливо комплекса, без него ксенофобия хиреет. Именно поэтому я каждый день бомбардировал вас тревожными новостями с леденящими подробностями.

Таким образом, мы без труда обошли все культурные запреты и ввергли свой народ в пещерное состояние войны с чужаками.

На этом всё. Я ухожу в отставку. Призываю остальных членов правительства, пока не поздно, сделать то же самое. А германский народ призываю сбросить оковы лжи и думать своей головой.

Это былая моя последняя речь. Сейчас же выключите радиоприёмник, сверните газету, выйдите из зала Дворца спорта и обретайте собственный разум!

Раздались жиденькие аплодисменты, кто-то даже кричал предатель!, но большая часть людей сидела молча, осознавая сказанное. Такого они от меня явно не ожидали. Надеюсь, я смог что-то изменить. Пора ехать домой.

35

Крохотная комнатуха, освещённая только настольной лампой, направленной в лицо пленнику. За столом, пошатываясь на табуретке, сидел Штирлиц. Из уголка его рта сочилась струйка крови. Я сел напротив разведчика.

Мюллер, шеф гестапо, давно хотел поймать этого проходимца. Он чуть ли не плакал, когда получил Штирлица. В качестве награды я попросил одну вещь — встречу со шпионом. Всё равно до речи ещё оставалось время и делать было нечего.

— Йозеф, вы ведь сторонник умственной борьбы — сказал Штирлиц. — Для допросов есть гестаповцы. Зачем вы здесь?

Растерявшись, я промычал нечто невразумительное.

— Сами не знаете, — усмехнулся шпион и сплюнул кровью. — А я догадываюсь. Вы до сих пор сомневаетесь.

Он прав, чёрт возьми. Но я не позволю сомнениям свернуть с верного пути.— Министром быть неплохо, согласен, — продолжил Штирлиц. — Ради такой должности можно иногда закрывать глаза на совесть. Но вы, Йозеф... Вы хуже создателей концлагерей. В них уродуют и эксплуатируют тела, а ваша паутина клеветы и манипуляций уродует души.

— Зачем же было обращаться ко мне за помощью? — спросил я, закурив сигарету.

— Кэмпбелл долго следил за вами. Говарду показалось, что перед ним человек, который хотел бы жить в другом мире.

— Только что понял, зачем сюда пришёл, — протянул я. — Мне любопытны ваши слова потому, что сейчас сложно встретить разные точки зрения. Вы думаете не в том направлении, которое я указываю народу. Можно сказать, что вы — один из немногих, имеющих собственные мысли.

В комнатку зашёл Мюллер, начальник тайной службы. Он с оттяжкой ударил Штирлица и вежливо поздоровался со мной.

— Была ли беседа содержательной? — спросил меня глава гестапо.

— Не слишком, но спасибо, — отозвался я. — Мне пора.

Закутался в пальто и вышел на улицу. Рядом со штабом тайной полиции стояла виселица, не замеченная раньше... Подойдя ближе и разглядев повешенных, я охнул. Сжимая кулаки, заскрипел зубами от бессильной злобы. Это были Говард Кэмпбелл, Отто Кариус и радистка Кэт.

Не знаю, смогу ли я смириться с их смертью. Ну ничего, пройдёт. Всё проходит. Или они должны заплатить? Может быть, Штирлиц в чём-то был прав?

Пора выступить перед народом — (8)

Зря я сдал шпионов... Гитлера нужно остановить — (15)

36

Я сел в Mercedes, закурил и завёл двигатель. Пора домой.

Проезжая мимо штаба гестапо, заметил, что лес виселиц пополнился ещё одной. На последней висел Штирлиц.

2016 — (50)

— Кэмпбелл, садитесь за руль. Мне нужно отдохнуть перед выступлением.

Пока ехали к дворцу, я задумчиво смотрел на помощника. Снова не в силах сдержать любопытство, я задал вопрос:

— И всё-таки, кто ты такой?

Говард усмехнулся и ответил, стараясь как можно меньше отвлекаться от вождения:

— Герр рейхсминистр, мы уже несколько лет работаем плечом к плечу. Разве вы не знаете?— Любишь свою жену и драматургию, добился успехов в запудривании мозгов. Придумал несколько способов улучшить боевой дух армии, вроде мишени-карикатуры еврея для стрельбищ. А теперь расскажи то, чего я не знаю.

— Хорошо, но только если вы нам поможете и произнесёте правильную речь.

— Договорились, — ответил без тени сарказма в голосе, но не удержался и искривил рот в ухмылке. Хорошо, что Говард смотрел на дорогу.

— Я американский агент. Передаю добытые другими агентами данные с помощью рабочего радиовещания. Да, того самого вещания, в котором прославляю Третий Рейх и призываю уничтожать евреев. Сообщения закодированы в изменениях речи — паузах, изменении ударений, кашле, запинках и так далее.

Я присвистнул. Не ожидал от янки такой изобретательности. Кэмпбелл помрачнел лицом и продолжил:

— Если попробовать ответить на вопрос кто я... Немец по происхождению, американец по паспорту и мне глубоко плевать, кто я в душе. Конечно, нацист это лишь личина, но неизвестно, кому я помог больше — американцам разведанными или немцам пропагандой. Спустя некоторое время маска срастается с кожей.

Мой помощник замолчал, явно не желая больше об этом говорить. Остаток дороги мы провели в молчании.

— Вот и приехали. Спасибо, Говард, дальше сам справлюсь.

— Возьмите детонатор. Достаточно дёрнуть рычажок и Дворец спорта провалится в ад. Сегодняшним гостям там самое место, — сказал вместо прощания Кэмпбелл и протянул мне маленькую чёрную коробочку с рычагом и предохранительным кольцом. Она легко уместилась в карман.

Около входа во Дворец спорта стоял Гитлер в окружении телохранителей, министров и генералов. Когда я подошёл к компании поздороваться, мелькнула мысль — можно предупредить вождя о готовящемся покушении.

В принципе, он мне не нравится, как человек, и если рейхсканцлер умрёт, кошмары мучить не будут, но... Предупредив его, я останусь истинным патриотом и достойным сыном Германии. Останусь верен вождю, за которым последовал. Но как мне остаться верным самому себе?

Предупредить Гитлера о покушении — (22)

— Хорошего дня, мой фюрер! — (21)

— Где этот ээсовец? — спросил я, гадая, зачем ему понадобился.

— Ждёт в приёмной, — ответил Кэмпбелл и ещё что-то пробормотал в усы.

— Зови.

Мой лучший работник отдал честь и развернулся, щёлкнув каблуками. Говард ушёл. Не успел я перевести дух, как дверь открыл Штирлиц. В эффектной чёрной униформе, с чёткими и выверенными движениями, офицер произвёл впечатление. Он рявкнул Хайль Гитлер! и выбросил руку. Переборов лень, я сделал то же самое.

Предложил Штирлицу присесть и выпить. Ээсовец попробовал напиток и сдержанно похвалил вкус.

— Что привело вас ко мне? — спросил я, нервно поправляя гражданский костюм, который казался неуместным рядом с устрашающей формой SS. Кровавое пятно повязки со свастикой только подчёркивало черноту одежды. Череп на фуражке, которую Штирлиц держал в руках, навевал загробную жуть.

— Меня привели к вам вопросы, герр Гёббельс, — протянул штандартенфюрер SS. — Но сперва будет тест на доверие. Выключите микрофоны в кабинете?

Штирлиц устроился поудобнее, достал портсигар и закурил папироску. Лицо оставалось каменным, но он явно развлекался, наблюдая, как сомнения рвут меня в клочья. Микрофоны дают толику безопасности... Это может быть покушением. Или у меня разыгралась паранойя?

— **Ладно, я выключу микрофон.** — (55)

— **Не стоит. Что подумают в гестапо?** — (14)

39

— Я убью Адольфа Гитлера, — прошептал Штирлиц.

— Мы лишим партию вождя, а вы оставите её без народной поддержки, — рассудительно сказал мне Кэмпбелл. — Разом отрубим гидре голову и лапы.

— Я с вами, — внезапно вмешался Кариус. — Я люблю свою страну и... И готов защищать её не только от русских и янки, но и от сумасшедшей власти.

— Я подумаю, — медленно ответил я, умело скрывая бурю эмоций внутри.

Как только Кэт предложила выпить за это, с грохотом выбили входную дверь. Мы вскочили со стульев. В особняк ворвалось около десятка солдат с винтовками наперевес. Поднялся жуткий крик и переполох. Вопли Хенде Хох! и Именем фюрера, вы арестованы! заглушали даже топот солдатских сапог. Штирлиц шагнул вперёд и закричал:

— Я штандартенфюрер SS! Что вы себе позволяете?!

Грозного штандартенфюрера тут же уложили на пол и приставили винтовку к затылку. Кэт взвизгнула и попробовала подбежать к напарнику по шпионажу. К её груди тут же приставили штык. Никто больше не смел шевелиться. Из-за спин солдатни вышел офицер в чёрной униформе. Пнув Штирлица, он лениво протянул:

— Макс Отто фон Штирлиц, вы арестованы. Против вас есть улики. Сопrotивление бесполе... — Офицер, наконец, заметил рейхсминистра народного просвещения и пропаганды, скромно стоящего в углу. — Г-герр Г-ёб-бельс?

Он начал заикаться, а потом и вовсе язык проглотил. Нужно воспользоваться моментом... Но как?

○ — **Я раскрыл иностранных шпионов. Вот этот даже хотел убить фюрера!** — (35)

○ — **Вы вовремя, майор. Я как раз обсуждал со Штирлицем и Кариусом бесполезность некоторых служащих...** — (6)

40

— Сейчас танкист в ремонтном цеху, следит за восстановлением своего Тигра, — отчитался Кэмпбелл. — Хватай пальто, мы едем.

— Да, герр рейхсминистр. Моя машина заправлена и стоит возле входа, могу подвезти.

— Чтобы я упустил возможность прокатиться на своей? — удивился я. — Даже не думай.

Выйдя из министерства, сели в мой любимый Mercedes 540K Sport. Как и многие партийные лидеры, я лишь корчу из себя аскета, подавая пример рядовым немцам. Если бы выполнял требования Гитлера и жил, как рядовые немцы, пришлось бы ездить на Volkswagen, а не на спорткаре. Зачем мне это? Да и сам фюрер тоже выбрал кабриолет вместо народной машины.

Двигатель взревел подобно голодному льву. Педаль газа сработала подобно команде фас — автомобиль тут же сорвался с места и, рыча, помчался по Фридрих-Штрассе. В Рейхе, сковавшем всех цепями тоталитаризма, я нашёл единственный способ почувствовать себя свободным — гнать по дороге, забыв обо всём. Всё остальное время даже я, министр, чувствую себя рабом фюрера.

— Рассказать вам побольше о Кариусе, пока мы не приехали к нему? — закричал Кэмпбелл, заглушаемый поднявшимся от скорости ветром.

○ — Расскажи. — (28)

○ — Я и так знаю о нём всё, что нужно. — (43)

41

— Сам вспоминай. Или ты зря зарплату получаешь?

— Не зря, герр рейхсминистр, — понурился Кэмпбелл. — Я вспомню.

— Уж изволь, — проворчал я. — Свободен. Езжай домой, отдохни.

— Да, герр Гёббельс, — радостно отозвался помощник и чуть ли не вприпрыжку вышел из кабинета.

Ещё около часа я редактировал текст. Чтобы дать отдых натруженным глазам, подошёл к окну. Пока был в заботах, солнце успело подняться в зенит. Взглянув на часы, удостоверился, что наступил полдень, назначенное время встречи.

Я никак не мог унять любопытство и решил — пора наведаться к Штирлицу.

○ Ехать на Унтер-Ден-Линден 9 — (10)

42

— К чёрту Кариуса, мне нужно работать.— Да, герр рейхсминистр.

Не отрываясь от листов и печатной машинки, закурил сигарету. Пока коптил престижную Jupo, нашёл в тексте ещё четыре оплошности. Рузвельт его побери, речь писалась целую неделю, переделывалась уже двадцать раз! Почему всё никак не выходит сделать её идеальной?— Кэмпбелл, присядь.

Помощник сел напротив меня, выпрямившись и не позволяя мягкой спинке стула расслабить себя. Склонившись над речью и прочтя пару фрагментов, он спросил:— Для кого вы пишете этот текст?— Для германского народа, кого же ещё, — раздражённо сказал я, не отрываясь от текста. — Ну и для иностранцев. Ты ведь переведёшь текст на английский для трансляции на рубеж?— Конечно, герр Гёббельс. Но скажите мне вот что: из кого, в основном, состоит немецкий народ?

Докуривая сигарету, я задумался. Не понимая, к чему клонит Кэмпбелл, рассудительно ответил:— Из тупой биомассы, как и любой другой. Естественно, рассказы про уникальный народ сверхлюдей остаются пустым трёпом.— Тогда и текст нужно ориентировать на глупцов. Зачем вам сложные обороты?— Ты меня вздумал учить? — усмехнулся я. — Сложные предложения не содержат того, что необходимо донести до людей. Они запудривают мозги и перегружают мысли, чтобы необходимые установки проникали сразу в подсознание. Вот установки уже просты, как советские танки. — Да, герр рейхсминистр. Кстати, вы не могли бы напомнить мне формулировку правил пропаганды? Шпаргалку с ними, которую я всегда носил у сердца, жена случайно постирала вместе с пиджаком.

○ — Ладно, записывай. — (53)

○ — Вспоминай, Кэмпбелл. Или ты зря зарплату получаешь? — (41)

Подъехав к приземистому и серому зданию, я вылез из автомобиля, оставив Кэмпбелла в машине. Зайдя, оглянулся и сморщил нос. Изнутри цех оказался таким же неприглядным и грязным. Запахи пота и бензина соревновались в том, что первым заставит меня блевать.

Посреди беспорядка высился могучий 56-тонный танк. Дюжина механиков, одновременно обсуждая технические вопросы, пиво и доступных девушек, копошилась вокруг стального чудовища. Квадратная машина смерти понуро склонила дуло вниз, будто соскучившись по полю боя.

Нисколько не отстраняясь от грязных и нищих механиков, в цеху стоял Кариус и активно участвовал в обсуждении сортов пива. В парадной униформе, увешанный наградами, он показался мне воплощением современного рыцаря. Танковый ас очень молодо выглядел. Если бы увидел его в гражданском, то не поверил бы, что передо мной командир и ветеран многих сражений.

Как только я подошёл поближе, работа остановилась. Взлетели вверх правые руки. Все, как один, вытянулись и выкрикнули Хайль Гитлер!. Я поприветствовал рабочих и обратился к Кариусу:

— Как там ваши танки на фронте, оберлейтенант?

— Тигры в грязи, герр рейхсминистр. В грязи, пыли и крови. А я тут в Берлине и в белом костюмчике...

— Не беспокойтесь, получите награду, отдохнёте — и снова на фронт, наматывать врагов родины на гусеницы. У меня к вам пара вопросов...

— Конечно. Давайте выйдем, здесь шумно, — тут же согласился Кариус. — И воняет.

○ **Задать вопросы для своей речи — (29)**

...

Я продолжал ещё около ста минут. Пугал людей нависшей над Германий угрозой еврейского коммунизма. Описывал террор, голод и беспорядки, которые воцарятся сразу же, как только мы сдадим позиции.

Говорил о долге, обязывающем каждого немецкого солдата защищать своих братьев-соотечественников и родину-мать. Оставшихся в тылу призывал ставить национальный долг выше собственного комфорта. Указал, что на террор нужно отвечать террором и не щадить врага так же, как и себя.

И, наконец, подошёл к ключевой части речи:— Как вы видели, наш фюрер погиб. Он был слаб и больше не мог вести за собой немецкий народ. Вождь подвёл Германию, но её никогда не подведёт целая нация! Медлить нельзя, особенно, когда враг так силён. Уверен, Адольф Гитлер хотел бы, чтобы мы не опускали рук и, почтив его минутой молчания, тут же продолжили борьбу. Я предлагаю вам, мой народ, свою кандидатуру на пост рейхсканцлера и вождя немецкого народа.(Оживление в зале)Я задам вам десять вопросов, получив ответы на которые, буду знать, доверяет ли мне немецкий народ.

Я спрашиваю вас: верите ли вы, вместе со мной, в полную и окончательную победу немецкого народа?

— Я!

Я спрашиваю вас: намерены ли вы следовать за мной сквозь огонь и воду к победе и готовы ли вы взять на себя даже самое тяжёлое личное бремя?

— Я!

Я спрашиваю вас: намерены ли вы и весь немецкий народ трудиться по 10, 12 и, в случае необходимости, 14 часов в день и отдать всё для победы?

— Я!

Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальную войну? Если потребуется, хотите ли вы более радикальную войну, чем вообще можете представить?

— Я!

Я спрашиваю вас: доверяете ли вы мне, вашему фюреру, сильнее, крепче и непоколебимей, чем прежде? Готовы ли вы целиком и полностью следовать за мной, куда бы я ни пошёл, и делать всё, что только потребуется для доведения войны до победного конца?(Многотысячная толпа поднимается как один. Тысячи голосов сливаются в монолитный рев: Фюрер, приказывай - мы следуем за тобой! Дворец сотрясает волна возгласов Хайль! Словно по команде, поднимаются флаги и знамёна, как высшее выражение торжественного мига, когда толпа воздаёт честь фюреру.)Народ готов на всё. Вы последуете за мной! В этот час мы твёрдо и непоколебимо верим в победу. Мы видим её перед собой; нам нужно только протянуть к ней руку. Мы должны научиться подчинять ей всё. Таков долг данной минуты. И наш лозунг должен быть таким: Воспрянь, народ, и пусть грянет буря!

○ Уйти под оглушающий рев толпы и нескончаемые аплодисменты. — (13)

Вождь ждёт в саду возле министерства пропаганды. Это чудный сад с широкими, чистыми дорожками, раскинувшимися липами и комфортными лавочками. Здесь любят прогуливаться все — от нищих до вершителей судеб. Шагая так быстро, как только позволяла хромота, умудрился не опоздать на встречу. Когда парк оказался в пределах видимости, Гитлер только сел на лавку. Неподалёку маячила парочка головорезов из Службы Безопасности.

— Хайль, майн фюрер! — подойдя, крикнул я и поднял правую руку.

Адольф Гитлер — единственный, перед кем мне приходится раболепствовать. Признаться, завидую фюреру — только он во всём Рейхе может никому не подчиняться. Единственный свободный человек в Германии повернулся в мою сторону и тепло поприветствовал:

— Привет, Йозеф! Как же я рад тебя видеть. Не представляешь, как мне надоели тупые солдафоны и нудные бюрократы. Вот ты понимаешь людей, Йозеф. Только ты, да я — мы одни понимаем людей...

Больной ублюдок — подумал я тогда. Но сказал другое, сев на лавку рядом с Главнокомандующим:

— Тоже раз вас видеть. Зачем вы звали меня?

— Всё ли готово к сегодняшнему выступлению? — спросил Гитлер, немного нахмурившись. Его лицо всегда принимало суровое выражение, когда речь шла о важных делах.

— Да. Речь составлена, списки гостей готовы. К половине пятого Дворец Спорта будет ломиться от народа. Мы соберём там важнейших людей — министров, промышленников, всех, кто имеет отношение к власти и деньгам. Те, на кого нужно произвести наибольшее впечатление. (Вот, чьи мозги важнее всего промыть)

— Всё? — недоверчиво спросил Гитлер. — Толпа не наберётся.

— Нет, мой фюрер. Кроме них, будут присутствовать самые доблестные члены Гитлерюгенда, SS и Вермахта. (Сливки среди безмозглых отморозков. Нужно же кому-то орать: JA! HEIL!)

— Отлично, — улыбнулся фюрер. — Йозеф, я хотел спросить тебя ещё кое-о чём. Только вопросы могут показаться тебе странными...

○ — **На странные вопросы можно получить странные ответы, мой вождь. — (31)**

46

— Я... Я понял, герр рейхсминистр, — беспомощно пролепетал офицер, который был на две головы выше меня.

Я ещё немного понаблюдал за ним, откровенно развлекаясь, после чего прошипел:

— Свободен.

Офицер совсем поник. Каждый из присутствующих принял этот приказ на свой счёт. Все, включая иностранных шпионов, начали собираться, стараясь не попадаться мне на глаза. Вот, что значит натренированный голос, мимика и знание психологии.— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — бросил я вдогонку. — Кэмпбелл тоже.

Два разведчика подождали, пока остальные уйдут и подошли к столу.

— Скажите-ка, — обратился я к офицеру SS. — Почему вы обратились ко мне только сегодня? Судя по всему, Кэмпбелл давно имел виды на вербовку.

— Сегодня, узнав о нас в последний момент, вы уже не сможете помешать минированию Дворца спорта, — ответил Макс.

— Хорошо, ещё вопрос: почему именно я? И почему именно так? Ведь есть менее рискованные способы ускорить крах Рейха.

Советский шпион горько усмехнулся.

— Вы, вместе со своими прихвостнями из министерства пропаганды, постоянно твердите о вундерваффе. Мол, немецкие инженеры скоро изобретут супероружие, которое сразу повергнет врагов. Но лучшее оружие уже давно создано и вы владеете ним лучше всех. Это Слово, Йозеф.

Разведчик ушёл догонять свою радистку, оставив меня с Кэмпбеллом. Он думал, что поразит меня этими словами, но ничего нового не сообщил. Иначе я не был бы рейхсминистром Слова.

○ **Скоро речь, пора ехать** — (37)

47

На выходе из кабинета повстречался Кэмпбелл. По привычке щёлкнув каблуками, пропагандист отчеканил:

— Герр Гёббельс, вы просили сообщить, когда в Берлин прибудет известный солдат. Так вот, приехал Отто Кариус. Помните такого?

— Да-да, — ответил я, вспоминая. — Танковый ас, который ни иванам, ни томми спать не даёт.

— Он в городе, чтобы получить наивысшую награду из рук фюрера. Сейчас, вроде, свободен. Хотите поговорить с ним?

Сегодня нужно будет рассказывать народу о воинской доблести, а этот парень знает о ней чуть ли не больше всех... И уж явно больше меня. С другой стороны, всё ещё могу попасть к Гитлеру. Он будет недоволен тем, что я опоздал, потратив время на Штирлица. Предстоит неприятный разговор, но я обещал. Хотя, можно передать вождю, что я плохо себя чувствую...

○ — **Мне нужно к фюреру.** — (19)

○ — **Где там этот Кариус?** — (40)

Главное украшение моего кабинета — картина Фридриха II Великого. Часто смотрю на полотно и вспоминаю песню о короле: Старый Фриц, слезай с коня. Думаю, пора ещё одному старому усатому фрицу слезть с коня... Чтобы уступить место мне. Но хватит преступных мыслей.

Я работаю в окружении книг... И людей, они облепили плотней книжных полок. Когда ты известен, сложно побыть одному. Вот и сейчас, когда я полирую текст сегодняшней речи, в дверь (в десятый раз за утро!) постучали.

— Да-да, входите! — кричу я, хотя с удовольствием послал бы стучащего к Сталину в пасть. Но вдруг это сам фюрер? Помнится, он хотел поговорить со мной.

Вошёл Говард Кэмпбелл, один из лучших пропагандистов. Когда-то писатель и драматург, он стал превосходным оратором, согревающим людей любовью к отчизне... И разжигающим пожар ненависти к врагу.

— А, Говард, это ты, — облегчённо произнёс я, уже приготовившись выслушивать вопли Гитлера. — Садись. Выпьешь?

Говард, крупный темноволосый мужчина с густыми усами, вскинул руку в приветствии и гаркнул Хайль Гитлер!. Садясь напротив меня, он ответил:

— Нет, спасибо. Фюрер сообщил, что ждёт вас. И ещё кое-что... С вами хочет встретиться офицер SS, некий Макс Отто фон Штирлиц. Говорит, срочное дело, от которого зависит множество жизней.

— Спасибо, — сказал я и тепло улыбнулся работнику. — Можешь идти.

Кэмпбелл ответил на своём отточенном немецком:

— Герр рейхсминистр, что передать Штирлицу? Пригласить его или сказать, что вы заняты? Ведь у вас скоро встреча с Гитлером... Фюрер не любит ждать.

Поговорить с загадочным офицером SS — (38)

Поторопиться на встречу с Вождём — (45)

— Скоро начнётся выступление. Вас будет слушать не только вся Германия, а даже часть более свободного мира, — обратился ко мне Кэмпбелл. — Герр рейхсминистр... Текст речи напечатают все немецкие газеты, над городами Европы самолёты будут сбрасывать листовки с вашими цитатами.— Я в курсе.— Вы повлияете на сознание масс. Что, если скажете не о долге, преданности фюреру и войне?— Ну и что же мне говорить, по-вашему?— Скажите людям правду. — отрезал мой бывший пропагандист.

Я рассмеялся в лицо иностранным разведчикам. Наивные.— По-вашему, есть объективная истина? Не является ли правдой, то, во что верит каждый? Человек создаёт собственный мир из того, во что верит, — я промочил горло вином. — Только сознание решает, что истинно.— Вы правы, но для глобальных перемен важно общество, а не каждый в отдельности, — возразил советский шпион. — То, во что поверит большинство и будет правдой для народа. Так дайте им новую истину, Йозеф! Вы в силах подарить людям терпимость вместо ксенофобии, пацифизм вместо нацизма и мир вместо войны.— Любовь вместо ненависти, — добавила Кэт.

Три слова, произнесённые девушкой оказались важнее, чем всё, что наговорили Кэмпбелл и Штирлиц. Но я нашёл, чем возразить:— Зачем мне это делать?— Чтобы разрушить концлагерь, в который Гитлер превратил всю страну, — прошептал Штирлиц.

В чём-то он прав. И если я помогу им и Германия проиграет войну, меня не повесят, как военного преступника... Возможно. Особняк окутало молчание, нарушаемое только шумом машин за окном. Разведчики ждали моего хода.— Допустим, я это сделаю. Но! — я начал загибать пальцы. — Во-первых, как только начну говорить что-то не то, отключат микрофон и всё прогорит. Во-вторых, партия слишком прочно вцепилась во власть... И война зашла далеко. В-третьих, культ личности слишком велик, многое держится на авторитете Гитлера.

Штирлиц выпрямился и посмотрел мне в глаза, излучая уверенность. Он произнёс:— Нам удалось заминировать Дворец Спорта, а вы получите детонатор. Угрожайте взорвать здание, в котором собрались самые важные люди Рейха и вам позволят говорить. Если что-то пойдёт не так, всегда сможете взорвать его. А я, тем временем... — оборвался на полуслове офицер и залпом допил своё вино.

○ — **Что вы тем временем сделаете, Штирлиц?** — (23)

Оторвавшись от дневника, вы оглянулись в квартире, выглянули в окно и зашли в интернет, но не обнаружили ничего нового. Всё осталось таким же, как было до дневника.

Всё тот же многополярный мир, в котором есть место и отчаянному патриотизму, и тем, кто подавляет инстинкты защиты племени.

— Рад, что ты принял такое решение, — сказал с дивана дедушка. — Я, может, старомоден, но пусть уж мир останется, как есть.

51

Когда мы дошли до машины, Кэмпбелл сидел на заднем сиденье. Он спросил:

— Герр Гёббельс, а можно с вами к Штирлицу?

— Откуда ты знаешь, что мне нужно к нему? — изумился я.

— Вот приедем и узнаете, — подмигнул пропагандист. — Герр Кариус, меня зовут Говард Кэмпбелл. Вы с нами?

— Хочу в кои-то веки отдохнуть от зверья и побыть в компании людей, — с ухмылкой ответил Отто. — А то сплошные Тигры, Пантеры и Мыши...

Мерседес подъехал к двухэтажному особняку на главной улице Берлина. Украшенный барельефами, дом был не хуже моего собственного. Я припарковал машину в переулке неподалёку, чтобы не привлекать внимания. Кэмпбелл постучал по дубовой двери, сложив азбукой Морзе фразу Гитлер капут. Я знал, что с ним что-то не так.

Когда Штирлиц открыл дверь, изнутри послышался ласкающий уши звук. Кто-то играл на пианино. Офицер был всё в той же чёрной униформе, подтянутый и благоухающий мужскими духами. Штирлиц держал в руке пистолет, направленный на нас.

○ Шаг вперёд — (57)

52

Я начал было собираться к Гитлеру, но, посмотрев на время, со вздохом рухнул обратно в кресло. Безнадёжно опоздал. Показав неуважительный жест портрету Вождя на стене, я поднял телефонную трубку и позвал Кэмпбелла.

Говард примчался, как на пожар. По привычке щёлкнув каблуками, пропагандист отчеканил:

— Герр рейхсминистр, позвольте заметить, что у вас есть секретарь.

— Тебе я доверяю больше, — ответил я. — Можешь передать Гитлеру, что я пропущу встречу? Скажи, что я плохо себя чувствовал, распиши глубину моих извинений. Как ты умеешь.

Усатый здоровяк подумал пару секунд и ответил:— Будет сделано, герр Гёббельс. И ещё кое-что... Вы просили сообщить, когда в Берлин прибудет известный солдат Так вот, приехал Отто Кариус. Помните такого?

— Да-да, — ответил я, вспоминая. — Танковый ас, который ни иванам, ни томми спать не даёт.

— Он в городе, чтобы получить наивысшую награду из рук фюрера. Сейчас, вроде, свободен. Хотите поговорить с ним?

Сегодня нужно будет рассказывать народу о воинской доблести, а этот парень знает о ней чуть ли не больше всех... И уж явно больше меня. Но времени до выступления немного, а ещё нужно наведаться к Штирлицу. Текст речи ещё не идеален и можно потратить время на него.

○ — Мне нужно работать. — (42)

○ — Где там этот Кариус? — (40)

53

Я развалился в кресле, приготовившись рассказывать.— Итак, внимай:Пропаганда всегда является лишь средством, а не целью.

Пропаганда может и должна, особенно во время войны, отказаться от гуманизма и эстетики, как бы высоко мы их не ценили, так как в борьбе народа речь идет ни о чём другом, как о его бытии.

Пропаганда является «воистину грозным» оружием в руках знатока.

Пропаганда должна вестись как можно более метко и тем самым успешно, так как — по Мольтке — в войну самым гуманным методом является тот, который быстрее всего достигает своей цели.

Пропаганда всегда обращена только к массам, а не к интеллигенции, поэтому её уровень должен ориентироваться на способности восприятия самых ограниченных среди тех, на кого она должна повлиять.

Пропаганда должна воздействовать больше на чувство, чем на разум, так как масса в сущности имеет женственный характер, поэтому чувства доходчивей размышлений.

Пропаганда должна не развлекать, а быть средством достижения политической цели. Поэтому развлечение является смертельным врагом её успеха.

Пропаганда должна ограничиться минимумом и повторять это постоянно. Настойчивость является важной предпосылкой её успеха.

Пропаганда не может быть объективной, она должна быть принципиально субъективно одностороннейЗакончив рассказывать, я закашлялся. Говард записывал с потрясающей скоростью. Отпустил его домой, пусть отдохнёт. Усатый здоровяк поблагодарил меня, дал ещё пару комментариев по поводу речи и удалился. Предстояло ещё немного работы.

Прошло около часа. Оторвавшись от текста, чтобы дать отдых усталым глазам, подошёл к окну. Солнце висело уже высоко. Взглянув на часы, удостоверился, что уже полдень. Пора идти на встречу со Штирлицем.

○ **Ехать на Унтер-Ден-Линден 9 — (10)**

54

Я повысил тон. Тихий голос выполнил свою задачу — они внимательно вслушиваются. Теперь пора их распалать. С этим текстом будет посложнее, но я постараюсь. Да ещё и Гитлер, которого я держу на мушке, не даёт нормально жестикулировать.

— Допустим, нужна территория соседей. Конечно, можете прийти к своему народу и сказать: Слушайте, ребята, мне там кое-что надо, пойдёмте за это повоюем. Вас просто пошлют. Ну а если вы будете манипулировать людьми, обращаясь к их инстинктам, у них просто не будет выбора.

Говорить надо так: Братья и сёстры (они не братья и не сёстры, но всё равно надо сказать, потому что альтруизм рассчитан на родственников), родина-мать в опасности и зовёт вас, своих детей, её защитить.

Головой все понимают, что мать — это вот, мама, и с ней всё в порядке, и если она куда и зовёт, то только обедать, а родина — это просто какая-то земля, она не может быть матерью, ей и рожать-то нечем. Но! Это все понимают, когда по одному... Но упоминание родственников в тревожном контексте для людей, которые собраны в массу, имеет волшебный эффект.

Включается родственный альтруизм. Люди готовы пожертвовать собой. Их инстинкты говорят: Братья, сёстры, мать, дети, это же море моей крови, это гора моих генов, это всё нужно защитить любой ценой.

Да, кстати, всегда называйте это защитой, даже если собираетесь напасть. Как мы помним по пчёлам и шимпанзе, изначально альтруизм создан для защиты родственников... Хотя использоваться может для чего угодно.

Полдела сделано, народ готов умирать. Осталось заставить убивать. Тут есть одна проблема. Психически здоровые люди не любят убивать других людей. Даже если им за это ничего не будет. У нас на этот счёт стоят инстинкты-запреты.

Тут нам на помощь приходят байки про гадких полуживотных-унтерменшей. Недолюди, которые надолго отстали в развитии от настоящих людей — арийцев.

Чтобы заставить солдат легко и непринуждённо убивать людей, вы должны превратить противника в НЕ-человека. Потому что НЕ-людей убивать можно. Но вот так это сделать? На помощь придёт отвращение. Это такая смесь страха и реакции избегания. В своё время отвращение сослужило нам хорошую службу, когда во времена тотальной антисанитарии помогало избегать болезней.

Дело вот в чём, уважаемые патриоты: отвращение подавляет жалость и сочувствие. Объект отвращения мы воспринимаем не как что-то живое, а просто как мерзость, которую нужно убить, будь это крыса, таракан или унтерменш.

Чем сильнее отвращение, тем больше потребность в принадлежности к своей группе и неприязнь к чужим. То есть, растёт патриотизм и ксенофобия. То есть, чем людям противнее враг, тем они больше патриоты и, соответственно, больше ксенофобы.

Называйте их крысами, тараканами и падалью, говорите, что они трахают коз и едят младенцев. Когда вы обращаетесь к инстинктам, работает даже самая дикая ложь. Потому что инстинкты гораздо старше, чем интеллект.

И пугайте, пугайте постоянно, потому что страх — это топливо комплекса, без него ксенофобия хиреет. Именно поэтому я каждый день бомбардировал вас тревожными новостями с леденящими подробностями.

Так мы без труда обошли все культурные запреты и ввергли свой народ в пещерное состояние войны с чужаками.

На этом всё. Я ухожу в отставку. Призываю остальных членов правительства, пока не поздно, сделать то же самое. А германский народ призываю сбросить оковы лжи и думать своей головой. Сейчас же выключите радиоприёмник, сожгите газеты, выйдите из зала Дворца спорта и обретайте собственный разум! Это была моя последняя речь.

Я закончил.

Выстрел. Гитлер падает в зал, брызгая кровью на людей в первом ряду. Я прикладываю дуло пистолета к своему виску. Выстрел.

○ 2016 — (5)

— Угощайтесь, вы таких не пробовали, — сказал Штирлиц, протянув папироску.

Из любопытства я взял её, прикурил и затянулся. Через мгновение кашель разорвал глотку. Едкий дым начал першить в горле и щипать глаза. Что это за адский табак? Я выпил из стакана, чтобы унять горечь, разогнал дым двумя взмахами руки и обратился к штандартенфюреру:

— Гм... Необычно. Но перейдём к сути: что за вопрос? Вы меня заинтриговали.

Штирлиц показал рукой на окно, за которым громкоговорители громыхали моим голосом. Как раз началось утреннее вещание.

— Вы каждый день слушаете самого себя. А согласны ли вы с тем, о чём говорите? Разве кучка людей, живущих на одной земле, достойна большего, чем кучки на других землях? Разве мы побеждаем в войне?

— Что за ересь? — взбеленился я, повысив тон и пристукнув стаканом. Такого не полагалось произносить. Об этом не следовало даже думать.

Штирлиц усмехнулся и посмотрел мне прямо в глаза, не отводя взор.

— Не бойтесь, разговор останется между нами. Вас не беспокоит происходящее? Вы согласны с сожжением людей в концлагерях? Знаю, что в глубине души вы не злодей. Ваши взгляды практичны, а не идеологически-фанатические, как у Гитлера. Раньше вы не было националистом. Хотите сказать, вы — патриот Рейха и фанат Гитлера? Не смешите.

Он сделал небольшую паузу, чтобы затушить папиросу. Глядя в глаза, Штирлиц продолжил:

— Мне нужна ваша помощь, Йозеф. Если внутри вас остался молодой журналист, который хотел работать в еврейском издательстве... Если внутри вас осталась человечность — приходите к полудню в гости. Адрес: Унтер-Ден-Линден 9.

— И что меня там ждёт? — спросил я, занервничав. — Засада?

— Если бы я хотел вас убить, вы бы меня даже не увидели, — резко ответил офицер. Он встал, попрощался и направился к выходу. Задумчиво держа в руке окурок, я спросил вдогонку:

— Что это за папиросы?

— Беломорканал, — ответил Штирлиц и вышел.

○ **Взглянуть на часы** — (52)

«Меня зовут Пауль Йозеф Гёббельс. Гёббельс, а не Геббельс, как пишут русские переводчики! Я рейхсминистр народного образования и пропаганды Германии. Голос Гитлера и язык нацизма. Примерный семьянин и отец шестерых детей, знаком с философией, журналистикой и драматургией. Доктор наук. Тощий и хромой мужчина средних лет, если вдруг интересно.

Но хватит обо мне. Кем бы вы ни были, не выбрасывайте дневник! Эта книжонка — изобретение паранормального отдела SS. Дневник меняет события, которые я в нём описываю.

Зачем переписывать историю? Имеющий власть над прошлым управляет будущим! Можно изменить реальность и жить в новом мире. И эта возможность — в ваших руках. Зачёркивайте случившееся и пишите собственную историю... Но делайте это аккуратно. Не сделайте хуже, чем уже случилось без вас.

У каждого партийного лидера есть такая книга — на случай, вдруг одна из них затеряется на свалке истории. Если наши ошибки приведут к поражению Рейха, всё можно будет изменить... Или окончательно погубить наше дело, если дневник попадёт в лапы врагов.

Дневники будут тщательно охранять, но кто знает, в чьи руки они попадут. Рисуем... Однако, кто не рискует — тот не пьёт шнапс.

Хлопнула дверь, оторвав вас от чтения. Из коридора раздался усталый вздох и прокуренный кашель. Пришёл дедушка. Ещё есть время решить, что делать с дневником.

- Спрятать в рюкзак — (33)
- Спросить дедушку о книге — (9)

Не успел я испугаться, как эсэсовец улыбнулся и пригласил нас внутрь. Когда наша троица зашла, Штирлиц выглянул наружу и удостоверился, что к нам не приклеился хвост. В парадной Кэмпбелл и Штирлиц дружески обнялись.

— Говард, сволочь, — возмутился я, — ты был мне как брат!

— Уж простите, что обманывал, — рассмеялся Кэмпбелл. — Как говорил Сунь Цзы: война — путь обмана.

— Проходи, не задерживайся, — сказал ему Штирлиц, пряча пистолет.

Компания зашла в гостиную. У стены трещал камин. На резном деревянном столе стояла бутылка вина. Около стола расположилось пианино, а играла на нём темноволосая девушка с немного округлым лицом. Её пальцы бегали по клавишам, а глаза замерли и смотрели в одну точку — на Отто Кариуса. Смутившись, солдат повернулся к Штирлицу:

— Пожалуйста, представьте фройляйн.

— А я могу и сама представиться, — задорно бросила девушка. — Кэтрин, можно просто Кэт. Работаю радисткой. А вы, стало быть... Отто Кариус и Йозеф Гёббельс?

— Ну да... Очень приятно, — пробурчал я. Танкист не смог выдать ни слова.

— Присаживайтесь, — пригласил Штирлиц за стол. — Йозеф, будете Беломорканал?

— Спасибо, но я думаю бросить курить.

— Вот это правильно, — отозвался эсэсовец, наливая вино. — Кстати... Можно просто Макс.

— Договорились, Макс, — ухмыльнулся я. — Или, может быть, Всеволод?

Глаза Штирлица округлились, он даже пролил на стол немного вина.

— Откуда...?

— Вчера наши перехватили радиограмму из некоего Центра; видимо, из Москвы. Только не знали, кому она адресована... Что же, теперь я знаю. Подвалы гестапо по вам плачут, господа.

Кэт встала из-за пианино, оставив камин трещать в одиночестве. Она присоединилась к столу и сказала мне, взяв бокал:

— Погодите отдавать на растерзание, выслушайте нас.

— Давайте послушаем, — прошептал Кариус так, словно ему было всё равно, что скажет девушка, лишь бы слышать этот голосок.

○ — **Ладно, я слушаю...** — (16)